

АНДРЕЙ ВОРОНИН

ИНСТРУКТОР

ПОКА ГОРИТ ЗВЕЗДА

Инструктор

Андрей Воронин

Инструктор. Пока горит звезда

«ХАРВЕСТ»

2011

УДК 882(476)
ББК 84(4Беи-Рус)

Воронин А. Н.

Инструктор. Пока горит звезда / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2011 — (Инструктор)

ISBN 978-985-18-3872-7

Один за другим в Москве происходят ужасающие кровавые убийства. Это сводят счеты армянская и азербайджанская группировки. Милиция, спецслужбы начинают напряженную работу по выяснению истинных причин этих преступлений. Не может остаться в стороне и бывший сотрудник разведки Илларион Забродов...

УДК 882(476)
ББК 84(4Беи-Рус)

ISBN 978-985-18-3872-7

© Воронин А. Н., 2011
© ХАРВЕСТ, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Николаевич Воронин

Инструктор. Пока горит звезда

Глава 1

Георгий Сукиасян неторопливо спускался по трапу самолета. Его не встречали, как президента, с хлебом и солью, однако он этому обстоятельству не огорчился, понимая, что иногда оказываешься в таких ситуациях, где лучше всего выглядеть неприметно.

Еще вчера он был в солнечном Ереване, отдыхал в ресторане вместе со своей девушкой, но как назло, вопреки всем своим мечтам и планам, он вылетел в Москву. В современном мире, имея сотовый телефон, нужно быть готовым к тому, что тебя дернут в самый неподходящий для этого момент. Сукиасяну в срочном порядке приказали вылететь в Москву, и он подчинился, зная, что упрямиться не имеет права, иначе поплатится всем, что у него есть, в том числе и этой девушкой, которая пытливо на него смотрела, пока он разговаривал.

Идиллия в ресторане была нарушена. Сукиасян нахмурился, заплатил за ужин и, толком не объяснившись со своей спутницей, взял ее под руку и вышел в ночную прохладу улицы...

В Москве шел дождь. Уже с самого утра. Конечно, Георгий очень обрадовался, если бы рейс отложили, но это было несбыточной мечтой.

Геorgию Сукиасяну совсем недавно исполнилось сорок лет. Выглядел он молодо и вместе с тем солидно. В черном костюме, белой рубашке и галстукe он был похож на представителя дипломатического корпуса, который возвращался на место службы после длительного отпуска, проведенного на родине.

Гладко выбритый, холеный мужчина со строгим и кажущимся невозмутимым лицом привлекал внимание. Не только девушек, которые, оценивая взглядом стоимость его часов и костюма, мысленно прикидывали размер всего его состояния и перспективу товарно-рыночных отношений, но также и личностей сомнительного достоинства, которые ошивались не только у аэропорта и вокзалов, но и слонялись по всей Москве.

Когда-то давно, когда Сукиасян был еще молодым и наивным студентом, он приехал в Москву поступать в аспирантуру. Первая же его поездка обернулась несчастьем. Виной этому – сексуальная невоздержанность.

Георгий в первый же день познакомился с симпатичной русской девушкой. Девушка ему очень понравилась, не то чтобы своим характером и взглядами на жизнь, скорее своей приятной наружностью. После вечерних посиделок в кафе с коньяком и пирожными, тщательно сдобренных отборнейшей чушью, которой Сукиасян активно завлекал девушку, она, по всей видимости, поверила, что он, действительно, сын министра культуры Армении, в результате чего пригласила его к себе домой, что и требовалось Сукиасяну. Вообразив, что вечер удался, Сукиасян купил девушке букет цветов и заказал такси.

Он и сам потом удивлялся, почему поступил столь опрометчиво. На квартире его уже ждали отморозки. В крошечной темноте он получил сильную затрещину и упал, после чего отключился, очнувшись уже утром за городом. Какие-то придурки разбили ему лицо, порвали костюм и, что хуже всего, забрали все деньги.

Георгий Сукиасян был настолько подавлен случившимся, что не сразу решился остановить машину, чтобы добраться до Москвы. А когда решился, то получил в свой адрес несколько оскорблений, суть которых сводилась к тому, что он, Сукиасян, получил по заслугам, и что пусть он убирается из Москвы, если не хочет завершить свою жизнь в какой-нибудь подворотне.

Этот случай не давал покоя Сукиасяну и сейчас. Прошло больше двадцати лет, и он уже не был тем наивным студентом, но все никак не мог выкинуть эту неприятность из головы. С тех самых пор Георгий невзлюбил москвичей и Москву.

Наверно, этой неприязню и было вызвано желание Сукиасяна, чтобы его встретили на машине. Он не хотел добираться в город на такси, ловя на себе злобные взгляды таксиста из ряда «Москва не резиновая, чего приперся урод» или выслушивая, «как космические корабли бороздят просторы большого театра». Все-таки можно застрять в пробке, и тогда хочешь не хочешь, но придется выслушивать какого-то уroda, когда ему и своих проблем по горло хватает.

Дождь шел настолько сильный, что Сукиасян не поленился достать из портфеля зонтик. Он не хотел, чтобы из-за мерзкой погоды пострадало его пальто из верблюжьей шерсти, которое он полгода тому назад купил в Гамбурге, где был в командировке, и, сделав все дела за день, остальные дни ошивался на Риппербане.

Небо затянули свинцовые тучи, которые будто застыли, обещая дождь до конца оставшейся недели.

Не любил Сукиасян дождливую погоду. В Армении в это время еще солнечно и тепло. Все-таки сентябрь. А в Москве черт знает что, вечно у них какие-то погодные аномалии. То жарко, то холодно, то дождь, то снег. Попробуй приноровись к их погоде.

С тархтением остановился старенький автобус. Двери со скрипом открылись, словно кто-то изнутри раскрывал их руками.

«С прибытием, – неприязненно покосился Сукиасян на автобус. – Двадцать лет прошло, а автобусы все те же».

Люди, как ошалелые, заторопились к автобусу, словно там, как в лавке на колесах, продавали дефицитный товар. Сукиасян брезгливо поморщился и отступил в сторону, не желая быть вовлеченным в общий поток. Он подождал, пока очередь исчезнет, после чего, слегка согнувшись, чтобы не набить на голове шишку, зашел в автобус. Из всех, кто там находился, он выглядел наиболее презентабельно.

Георгий Сукиасян ненавидел простой народ. Он видел в нем опасность. Эти с виду добродушные и простовато одетые люди становятся настоящими зверями, когда дело касается льгот и пенсий. Тут они спуска никому не дают. Готовы разорвать на части, если убережешь льготы или не повысишь пенсии. Но, что для них ни делай, все равно будут хаять и при удобном случае вставят палки в колеса.

Автобус дернулся, так как водитель вообразил себя Шумахером, затем резко тронулся и поехал по направлению к аэропорту.

Теперь Георгию Сукиасяну оставалось совсем немного: забрать багаж и пройти по зеленому коридору. Он даже не беспокоился. Другое дело, если бы люди, находящиеся с ним в автобусе, знали, сколько денег в его невзрачном с виду черном пластиковом пакете. Он не удивился бы, если бы они передушили друг друга голыми руками. Все-таки, несмотря на инфляцию и тот факт, что американцы изо дня в день штампуют свои проклятые доллары, увеличивая дефицит бюджета, в коробке из-под детской мозаики лежало ни много ни мало двести тысяч долларов.

Автобус так же резко, как и тронулся, остановился у дверей аэропорта. Люди рванули на свежий воздух, словно здесь душегубка, в которой вот-вот включают газ. Сукиасян чуть не упал, едва не выматерившись, на старушку, которая со словами «я опаздываю» отчаянно толкала его в спину, надеясь, что он догадается уступить ей дорогу.

«Чертово племя, вечно им не терпится. Никакого уважения и чувства такта. Готовы растоптать тебя, чтобы выиграть несколько секунд, а потом застрять в очереди, где их будут по всем правилам трясти таможенники», – раздражился Сукиасян.

Сукиасян успешно миновал все юридические формальности, которые часами проходили вернувшиеся домой путешественники. Повезло и с багажом: не пришлось ждать. Он сразу же заприметил свою спортивную сумку на ленте транспортера, подхватил ее как ребенка, и смело пошел по зеленому коридору. Сукиасяна никто не останавливал, а если бы и остановили, то в таких случаях Сукиасян умел делать суровый взгляд и нарочито строго спрашивал фамилию. Обычно это действовало безотказно. Как известно, в наше время каждый человек держится за свою работу и никто не хочет заработать проблем на ровном месте.

Сукиасяна уже поджидал черный «мерседес» с водителем. Водитель, как и в прошлый раз, попался недогадливый. Или, кто его знает, может он паскудил нарочно, желая позлить Сукиасяна. По крайней мере никто не открыл Сукиасяну дверцу в машину.

– Ты тупой, что ли? – спросил Сукиасян, холодно уставясь на шофера, который вполне уютно чувствовал себя в салоне автомобиля. За окном не переставал идти дождь, а он курил и слушал трагичный шансон.

Подняв взгляд, водитель пристально посмотрел на Сукиасяна.

– С прибытием.

– Поставь сумку в багажник, идиот, – сказал Сукиасян и сел сзади, расстегнув на все пуговицы пальто.

Повторять дважды не пришлось. До водителя дошло, что если он не исправит свою оплошность, чего доброго Сукиасян сболтнет об этом его шефу, и все, прощай, можно начинать поиски новой работы.

Пока шофер укладывал багаж, Сукиасян положил рядом на сиденье зонтик и достал из кармана брुक сотовый телефон.

– Артур, все хорошо. Только прилетел. Меня встретили, – сказал Сукиасян, улыбаясь как можно шире, словно собеседник мог увидеть его улыбку.

– Погода неважная, – ответил собеседник и, немного помолчав, добавил: – Я не смогу выбраться, так что езжай один. Она будет тебе рада.

– Понял. Я тогда останусь у твоей сестры.

– Завтра поговорим. Я очень рад, что ты приехал...

Сукиасян, чтобы на всякий случай перестраховаться и не застрять в какой-нибудь пробке, куда мог попасть благодаря этому тупоголовому шоферу, пояснил, когда тот вернулся в машину:

– Сейчас езжай в город. Высадишь меня у Багратионовской.

Шофер тупо смотрел на Сукиасяна, словно не понимал, что тот от него хочет.

– Ты глухой?

Шофер тронулся. Сукиасян, порывшись в карманах пальто, выудил оттуда пачку «кента» и закурил. «Хренов Орбели, опять что-то мутит. Неужели нельзя организовать нормально встречу и передать деньги? Нет, обязательно надо шифроваться. Ему плевать, что на улице дождь и я только что прилетел. Нет, ему надо прямо сейчас!» – понеслись недовольные мысли. Перспектива быть мальчиком на побегушках не очень-то прельщала Сукиасяна, тем не менее, он хорошо понимал, чем грозит слушание, поэтому соблюдал негласную субординацию.

«Мерседес» резво мчал по шоссе в плотном транспортном потоке. Впереди ехал «жигуленок», из-под колес которого летели брызги, и водитель, не стесняясь, смачно матерился в присутствии Сукиасяна. Не было никакой возможности объехать этого наглеца, так как две полосы были заняты. Никто никому не хотел уступать, и попробуй перестройся из ряда в ряд, чтобы тебе не смяли бока или не подрезали бампер.

Чтобы не скучать в дороге Сукиасян брал с собой планшет, на котором он либо играл в преферанс, либо смотрел картинки с голыми бабами, что, несомненно, поднимало его боевой дух и готовность к новым любовным приключениям, тем более, если учесть, что ему не дали

все завершить с вчерашней девушкой. Он вынужден был усадить ее в такси и отправить домой, а сам начал звонить, чтобы достать чертовы авиабилеты.

Он до сих пор злился на Орбели. Нельзя что ли обходится с ним, с Сукиасяном, как-то поделикатнее, не так резко, а, скажем, предупредить заранее, ведь эту сделку обговаривали заблаговременно и согласовали все условия, а тут так резко вызвали его в Москву.

Через сорок минут черный «мерседес» выехал на МКАД и заметно сбавил скорость.

Сукиасян не сразу понял, что случилось, поэтому спросил:

– В чем дело?

– Пробки, – уныло ответил водитель.

– Твою мать! – выругался Сукиасян. – Так и простоим здесь до самой ночи. Мог бы догадаться.

– Да кто ж знал! – неловко начал оправдываться водитель, но Сукиасян его не слушал, вновь уставившись в свой планшет.

На МКАДе произошло ДТП, и, как водится в таких случаях, ГИБДДшники ограничили движение. Машины еле волочились по одной полосе. И наверняка каждый водитель думал нечто схожее, что и Сукиасян.

Темнело, и дождь не унимался. Сукиасян нервничал, поглядывая на часы. Он не собирался торчать там целый вечер. Шоферу не положено знать, поэтому он высадит его у Багратионовской. Ну, а как потом добираться? Лично Орбели за ним приедет, что ли? Или как? Он, ходят слухи по Еревану, неплохо устроился в Москве, строит и строит, небось деньги гребет лопатой. С его-то глоткой и жадностью далеко пойдешь.

Сукиасян был знаком с Орбели несколько лет, но, несмотря на свой опыт, знание людей и развитую интуицию, все еще не мог понять, что Орбели за человек и можно ли с ним вести какие-то дела. Орбели вел себя всегда подчеркнуто гостеприимно, радушно, тем не менее, это не мешало быть ему жестким и даже жестоким в бизнесе, и неизвестно, что стало бы с Сукиасяном, окажись они волей случая по разные стороны баррикад. Между прочим, такое всегда может случиться, особенно если дело касается денег.

Вскоре у планшета закончился заряд батареи, и Сукиасян, за неимением лучших занятий, вынужден был уставиться в окно. То, что он там увидел, его не обрадовало. Казалось, что от востока до запада, от севера до юга все пространство занято машинами.

«Как беженцы, которые после окончания войны возвращаются в родной город», – подумал Сукиасян. Яркий свет слепил его, словно вокруг были прожектора.

– Ты хоть что-нибудь видишь? – спросил он у шофера.

– Вижу, – неуверенно ответил тот, вглядываясь во мрак, разбавленный белыми и красными огоньками.

Сукиасян тяжело вздохнул и закрыл глаза. Только сейчас в каждой клеточке тела он почувствовал усталость после этого перелета. Его утомил не столько сам перелет, как то, что ему предшествовало. Эта нервная суматоха, сборы вещей и покупка билетов, да и к тому же сорвалось многообещающее свидание. Кто ему компенсирует? Разве что Орбели, как и в прошлый раз, организует сауну с девочками, где он, Сукиасян, почувствует себя в своей тарелке и расслабится. Но это после, для начала следует передать деньги, остановиться в какой-нибудь гостинице и поужинать в нормальном армянском ресторане.

Сукиасян, как истинный патриот, даже находясь далеко за пределами Армении, предпочитал все армянское. Кухню, телевидение, прессу. Это давало ему приятную иллюзию, что он находится дома, защищен, и что все у него под контролем.

Сукиасян угрюмо смотрел в окно, ненавидя этот день. Вот-вот водитель остановится, и ему придется выйти в этот дождь в своем любимом пальто из верблюжьей шерсти. «Ну и погода здесь. Дождь, холод, не то что в Ереване, где можно сидеть в рубашке и пиджаке и спокойно пить кофе на улице. Здесь собаки, наверно, и те мерзнут».

Водитель высадил Сукиасяна прямо у Багратионовской. Москва уже загорелась огнями.

Сукиасян, выйдя из машины, поежился и спешно открыл зонтик. Капли холодного дождя разбивались об асфальт. С шумом проносились машины, оставляя за собой шлейф брызг. Сукиасян нырнул в подземный переход, смешавшись с толпой мрачных цветов и оттенков.

Сукиасян ощущал дискомфорт в нескончаемом людском потоке. Люди шли на него сплошной стеной, как в фильмах ужасов про зомби. Взгляды у них были такими же пустыми, бесчувственными, со стороны казалось, что это не люди, а некие терминаторы, и что будущее машин уже наступило.

Он уже издалека приметил стройку. В Багратионовском проезде строили крупный медицинский центр. По периметру строительная площадка была огорожена колючим забором, словно там планировали создать концлагерь.

Из-за долгих дождей почву размыло, и вся площадка представляла собой чавкающую грязь, в которой тонул строительный мусор: щербатые доски, осколки кирпичей, ржавая проволока, куски арматуры.

Сукиасян нерешительно остановился перед воротами с пропускным пунктом. Ему не очень-то улыбалась перспектива увязнуть по щиколотку в грязи в своих новеньких туфлях за пятьсот долларов. «Орбели решил меня унизить. Эта сволочь знала, как это сделать. Лучше не придумать! Дернули сюда, как мальчика на побегушках, не дали поужинать и разместиться в гостинице, а сразу прислали шофера-идиота, с которым мне пришлось битый час проторчать в пробке. И еще сунули в эту грязь», – настроение у него было отвратительное.

Сукиасян злобно забарабанил в окошко пропускного пункта. Сидевший там рабочий поднял голову, зевнул и недоуменно уставился на Сукиасяна, будто не понимая, что тот от него хочет. Ему было неохота выходить из теплого помещения с обогревателем в дождь только ради того, чтобы открыть ворота какому-то франту в пальто.

Когда Сукиасян погрозил кулаком, это быстро возымело действие. Рабочий, набросив на себя ветровку, выскочил из пропускного пункта.

– Кто?

– Идиот, открой ворота! У тебя ровно тридцать секунд, чтобы не потерять работу. Я могу прямо сейчас позвонить Орбели.

– Не надо, – испугался рабочий, кидаясь к воротам, словно выдрессированная собака за палкой.

Он снял с замка пакет из-под молока, обвязанный веревкой, раз повернул ключ, и Сукиасян сделал первый шаг в чавкающее болото. На туфли было больно смотреть. Они выглядели так, словно он длительное время прогуливался по коровнику. Для полного счастья не хватало еще споткнуться и уткнуться носом в эту хлябь. Его тут же можно будет сфотографировать и отправить фотографию в юмористическую газету как показательный пример вреда пьянства.

По периметру строительной площадки располагались дощатые бараки, в окнах которых горел желтый свет.

Сукиасян поморщился. Меньше всего он мечтал сидеть с гастарбайтерами, смотреть, как они пьют водку, и слушать их обывательскую чепуху вперемешку с туповатыми анекдотами. Хотя Орбели намекнул, что ждать не придется.

Сукиасян, на мгновение замешкавшись, будто какая-то из этих четырех теплушек была самой лучшей, решительно открыл дверь второго сарая. В нос ударил запах спиртного. В небольшом бараке строители играли в карты за длинным столом. Клубами вился сигаретный дым, слышался оживленный говор со смехом и руганью.

Когда на пороге появился Сукиасян, игра остановилась, и он почувствовал на себе взгляды. Ничего не сказав, он закрыл за собой дверь и, заметив стул в углу, уселся на него и положил пакет на колени. Помимо длинного стола в бараке была тумбочка с телевизором, два обогревателя и двухъярусные койки на восемь человек. Стол занимал фактически весь проход,

и, чтобы пройти, скажем, к кровати, требовалось, чтобы рабочие поочередно вставали из-за стола, иначе было не протиснуться.

Строители, помолчав какое-то время, продолжили игру и, к счастью Сукиасяна, не обращали больше на него внимания, поэтому он смог расслабиться. Все-таки хорошо, когда его не донимают расспросами и он не должен выдумывать всякую ерунду, только бы провести все тихо и незаметно.

«Так... – напряг память Сукиасян. – Какой пароль? Пароль я должен помнить. Иначе чего доброго отдам деньги не тому, кому надо, тогда проблем не оберешься».

Сукиасяна в тепле разморило, и он расстегнул пальто на все пуговицы и даже задремал. Руки он держал на пакете с деньгами, а сумку с вещами поставил рядом с ногами. Сон накатывал волнами, и Сукиасян все меньше и меньше сопротивлялся. Усталость брала свое.

Он уже начал посапывать, когда снаружи раздались торопливые шаги, и дверь резкопахнулась, словно ее хотели сорвать с петель. Сукиасян, не понимая спросонья, что происходит, вздрогнул. Даже строители перестали играть и бросили свои карты на стол. Повисла мертвая тишина.

Тот рабочий, который открыл Сукиасяну ворота, силился что-то сказать, но лишь беззвучно шевелил губами. Из рта его текла кровь, которая стекала по подбородку и пачкала куртку. Он не успел ничего сказать, потому что сзади появился человек в черном с лицом, закрытым маской, и, словно мясник, резко проведя ножом по горлу рабочего, заставил того издать хриплое клочкотание. Тело рабочего упало на землю, а голова осталась в руке у налетчика.

И тут же он, отшвырнув ее, ворвался в барак. Следом за ним влетели еще трое, тоже все в черном и в масках.

Дверь снаружи закрыли, потому и речи не могло быть о бегстве, к тому же все были так шокированы неожиданным вторжением, что даже и не думали сопротивляться.

Сукиасян ощутил, что непроизвольно мочится. Инстинктивно он забился в угол у двери, надеясь, что его не заметят.

Налетчики действовали слаженно и организованно, лихо орудуя ножами. Они устроили самую настоящую мясобойню. Строители метались по комнате словно антилопы, за которыми охотились львицы. Стены окрасились кровью. Были слышны крики и стоны. Налетчики с размаху втыкали ножи в своих жертв, нанося смертельные раны. Происходящее напоминало фильм ужасов или кровавый боевик.

Сукиасян не понимал, что и зачем он делает. Упав на пол, он скрутился в клубок и закричал. Он вопил во всю силу своих легких, понимая, что ничего его не спасет и живым ему отсюда не выйти.

Когда в бараке уже никто не метался, налетчики взяли за Сукиасяна, схватили за руки и ноги, рывком подняли его и положили на стол. Он, глянув в глаза одного из налетчиков, от страха потерял сознание.

За все время люди в масках не произнесли ни одного слова, обмениваясь между собой только знаками. По всей видимости, они опасались быть узванными, но действовали как профессионалы: за каких-то пятнадцать минут они убили двенадцать человек.

Кровью было испачкано все: и стол, и стены, и даже потолок, в некоторых местах она хлюпала под ногами, и брызги ее были на одежде налетчиков.

Один держал Сукиасяна за ноги, второй за руки, а третий, вооружившись ножом, примеривался к правой руке Сукиасяна, словно собирался ее отрезать. Так и случилось. Сверкнуло лезвие, и сильным рубящим движением налетчик ударил по правой руке Сукиасяна.

Налетчики, отрубив ему руку, так же стремительно, как и появились, выскочили из барака...

В крошечной тьме было слышно, как хрипло стонет Сукиасян и как дождь неистово барабанит по жестяной крыше.

* * *

Сорокин сидел в своем кабинете и читал очередную книгу светила криминалистического мира. Он активно изучал теорию, понимая, что пускай практика с ней и расходится и, возможно, даже противоречит, но все же в теории имеются кое-какие полезные наработки, и раз он следователь, то должен быть в курсе всех последних тенденций. Приятели Сорокина, зная о его страсти к криминалистике, недоумевали, неужели ему нечем заняться в этой жизни? Окончив рабочий день, наконец-таки ощутив себя свободными, они ничего не хотели слышать о своей работе и тем более о ней разговаривать. Сорокин же, настоящий чудак, вместо того чтобы спать на дежурстве или пролистывать какое-нибудь более приятное и легкое чтение, наподобие журналов для взрослых и успешных мужчин, корпел над увесистой книгой по криминалистике, терпеливо останавливаясь на некоторых схемах и перечитывая по несколько раз отдельные места.

За окном барабанил дождь. Сорокин, сидя в своем новом кабинете, чувствовал себя защищенным и радовался ощущению внутреннего спокойствия. Возможно, отчасти он был обязан этим спокойствием бутылке хорошего французского коньяка, которым разбавлял чай с лимоном. Ему так понравилась эта идея – разбавлять чай коньяком, что он незаметно оприходовал треть бутылки.

Окна были закрыты жалюзи и горел только приглушенный свет торшера в углу, да чуть поярче – лампы на рабочем столе Сорокина.

Сорокин был человеком предусмотрительным и не хотел привлекать излишнее внимание к своим окнам со стороны улицы. Все-таки разные случаи происходят в этом мире. Он и сам не считал, сколько преступников упек за решетку, поэтому должен быть предельно осторожным.

Однажды, когда он возвращался с работы поздним вечером, на малолюдной улице повстречал пьяную компанию. Среди выпивших мужчин он узнал одного ублюдка, которого когда-то посадил за кражу. Тот, к несчастью, тоже узнал Сорокина и предложил своим товарищам «замочить поганого мента». У Сорокина при себе был только пневматический пистолет, и ему здорово повезло, что компашка приняла его оружие за «ТТ». Сорокин положил шестерых человек на землю и вызвал милицию.

После этого неприятного происшествия он крайне внимательно подходил к вопросам личной безопасности и без нужды не стоял у окон своего кабинета. Бывшего коллегу, любившего понаблюдать за происходящим на улице, пристрелил киллер. У Сорокина хорошо отложилось в памяти зрелище, которое он увидел тогда в кабинете, и поэтому напрочь отсутствовало желание стать посмертным героем в глазах своих сослуживцев.

Осилив триста страниц, Сорокин захлопнул книгу и посмотрел на настенные часы. Они показывали полтретьего ночи, а это означало, что бодрствовать еще долго. Сорокин закурил, чтобы взбодриться, и взял со стола электрочайник, чтобы вскипятить воду для кофе. Он уже вышел из кабинета, как услышал звонок телефона.

«Что случилось? Уж не Забродов ли? Опять ему не спится? Вечно ему приспичит в самое неподходящее время», – подумал Сорокин.

Вначале Сорокин подумал не возвращаться и спокойно наполнить электрочайник, но телефон звонил так настойчиво, что его нервы не выдержали.

Сорокин вернулся в кабинет и снял трубку.

– Полковник Сорокин слушает.

– Убийство в Багратионовском проезде. Нужна следственно-оперативная группа с собакой.

– Уже выезжаю.

«Идиоты, – подумал Сорокин. – Опять что-то не поделили. Наверно, бытовая склока. Как водится в таких случаях, вначале скинулись, выпили, потом повздорили и схватились за ножи, топоры. И мне приходится расследовать дела с такими вот идиотами. В основном, бытовое пьянство».

Надо отдать должное Сорокину. Он отказался от кофе, затушил сигарету, набросил поверх формы плащ и спустился на первый этаж, где дремал дежурный милиционер. Заметив Сорокина, он вскочил и козырнул.

– Вольно.

Свою машину Сорокин припарковал на заднем дворе. Пошарив по карманам, он достал ключ, отключил сигнализацию, бросил портфель в багажник, после чего сел за руль и сделал несколько звонков.

Все-таки там стряслось что-то серьезное, наверняка похлеще бытового пьянства. Следственно-оперативную группу, да еще и с собакой по мелочам не дергают. И он, как руководитель этой группы, должен собрать ее в кратчайшие сроки.

Сделав все необходимое, Сорокин завел машину и лихо выехал со двора. В таких случаях он не особенно обращал внимание на правила дорожного движения. Пускай он и полковник и априори должен соблюдать все действующее законодательство, но бывают такие случаи, когда приходится нарушать его, не задумываясь о последствиях.

Сорокин, развернувшись через двойную сплошную полосу, добавил газу и двинулся по направлению к Кутузовскому проспекту. Он мысленно благодарил Бога за то, что на дороге не было никаких пробок. Так бы он вполне мог застрять до утра на какой-нибудь трассе.

Через сорок минут он был на месте. Около будущего медцентра уже толпилось много людей, со стороны могло показаться, что состоится открытие. Менты, оцепив место происшествия, не пускали настойчивых журналистов на территорию стройплощадки.

Сорокин, прибыв самым первым, решил не дожидаться остальных членов следственно-оперативной группы и не мешкая, ступил в чавкающую хлябь. Он мигом определил, где произошло убийство. Вход в барак охраняли двое ментов, еще «зеленые», как мысленно определил Сорокин, из той категории, которая, отслужив в армии, не знает куда податься и идет в милицию, предполагая, что там есть возможности для негласного заработка. Сорокин не любил ментов не по призванию. Именно по ним народ судит о милиции, и суждения эти не из приятных. Сорокин не понаслышке знал, чем занимаются бывшие армейцы на ментовской службе. Ловят пьяных, которые ссут по кустам, чтобы пошарить у них по карманам и взять денег, устраивают рейды на проститутток с тем, чтобы те их на халяву обслужили, и забирают подростков, которые шляются по улицам в нетрезвом виде. Да, конечно, это противозаконно, и это должна устранять милиция, но уж точно не таким образом, как это делают сержанты и рядовые.

Зайдя в барак и ожидая увидеть вполне тривиальную сцену убийства, даже издавший виды Сорокин ужаснулся.

– Матерь божья...

Подсвечивая фонариком, который полковник предусмотрительно взял из машины, он осветил стены с кровавыми пятнами и пол, на котором застыли кровавые лужи. По всей комнате валялись трупы с жуткими лицами, с раскрытыми ртами и скрюченными пальцами. На столе лежала чья-то отрубленная рука.

Сорокин не решился проводить осмотр места происшествия в одиночку, боясь, что еще чего доброго испортит следы, и дожидался следственно-оперативной группы, покуривая у барака.

– Свидетели есть? – поинтересовался он у сержанта.

Тот помотал головой.

«Понятное дело. Откуда взяться свидетелям? – подумал Сорокин. – Чую я, что поработали тут непростые парни, не какой-то маньяк. Такой масштаб он бы не осилил. Неясно одно, какую они преследовали цель? Хотели кого-то припугнуть или просто разобрались с неудобными? Первым делом нужно опознать эти трупы, чтобы выяснить, с кем мы имеем дело, и еще, черт бы побрал, я хочу знать, чья это рука».

Когда собралась вся следственно-оперативная группа, началась работа. Собака оказалась бесполезной. Бестолково побегав по стройплощадке, она растерянно повиляла хвостом и выжидающе посмотрела на своего хозяина. Оно и понятно: ночной ливень смыл все следы.

Прежде всего обеспечили необходимое освещение, подключив несколько осветительных установок, и внутри барака стало светло как днем. Сорокин исследовал барак сантиметр за сантиметром на предмет наличия следов, однако было видно, что преступники сработали профессионально и ничего за собой не оставили. Конечно, остались кое-какие следы от обуви, но поди разбери, кому они принадлежат. Вдобавок они частично накладывались друг на друга.

«Убивали ножом, это очевидно, – размышлял полковник. – Никаких гильз и огнестрельных ранений. Убитые все поголовно армяне. Возможно, здесь замешаны скинхеды. Почерк националистов, которые убивают всех подряд, кроме славян».

– Сизов, руку отправь на экспертизу. Возможно, отпечатки находятся в базе. И еще: нужно выяснить, на каких основаниях здесь работали армяне, есть ли у них судимости.

– Подозреваю, что нелегально.

– Возможно, но нужно выяснить. Займись этим. Я пока посмотрю, что в этом пакете, – Сорокин осторожно достал какую-то коробку из черного пластикового пакета, который он обнаружил в углу.

– Товарищ полковник, – к Сорокину подскочил оперуполномоченный Кирющенко. – Я нашел у одного из убитых деньги.

Он передал Сорокину деньги, завернутые в грязный тетрадный лист. Сорокин сосредоточенно их пересчитал.

– Сумма немаленькая. Три тысячи долларов. Понятно, что если бы преступники действовали с целью ограбления, то они забрали бы деньги. Хотя бы для того, чтобы сбить нас с толку.

– Вероятно, это расчет, товарищ полковник.

– Не понял. Поясни свою мысль.

– Я о том, что все убитые – гастарбайтеры-нелегалы. Скорее всего, эти деньги заплатили им за работу, и они собирались уехать домой. Играли в карты на деньги...

– Не будем гадать, – перебил его Сорокин, не терпевший всяких домыслов.

Следователю прежде всего необходимо опираться на реальные факты, иначе он рискует стать сумасшедшим, если будет выслушивать разные фантазии.

Сорокин, проведя все необходимые следственные мероприятия, с головой, раскалывающейся от тысячи версий, вернулся в свой кабинет, положил перед собою на стол чистый лист бумаги, взял ручку и задумался: «Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Одиннадцать трупов, отрубленная рука, и черный пакет с картонной коробкой из-под детской игры, в которой находится неизвестно что, но уж точно, не игра. Героин, деньги, взрывчатка. Хотя... героина и денег там быть не может. Иначе бы забрали. Или просто не заметили в спешке? Сплошные противоречия и никакого ответа. Какие-то мясники работали. Странно то, что одиннадцать человек убили, а двенадцатому только отсекли руку. Важно узнать, кто этот двенадцатый. Если он жив, что маловероятно, то он выведет нас на след преступников. А если мертв, что тогда делать? Следов никаких. Да и не припомню я, чтобы кто-то орудовал в Москве подобным образом...»

За окном забрезжил рассвет, а Сорокин все сидел над исписанными листами бумаги. Пепельница доверху наполнилась окурками, и для улучшения мыслительного процесса он выпил почти весь коньяк, а нужное решение все не приходило.

«Мне только еще одного глухаря не хватало, – тоскливо подумал Сорокин, отложив свои размышления в письменном виде после того, как буквы начали подпрыгивать и сливаться, и он, к своему удивлению, обнаружил себя лежащим на диване. – Повесят на меня это дело, как пить дать. Ты его возбудил, ты и расследуй. А дело это такое, что может стоить мне всей карьеры. Уже к утру все газеты будут захлебываться, а под кабинетом шнырять журналисты всех мастей. Шутка ли, за такое преступление грозит пожизненное или смертная казнь! И эти ублюдки прекрасно знали, на что они идут. Значит, ставки были высокими...»

Сорокин надел пиджак, достал последнюю сигарету из пачки и пошел за водой для чайника. Надо же выпить кофе. После такого убийства о выходных можно забыть надолго.

Глава 2

Забродов слышал, как за окном барабанит дождь, но не торопился вставать. Он догадывался, что на дворе препаршивая погода. Сколько Илларион ни проводил с сам собой психоанализ, но эту монохромную безжизненную осень он ненавидел. В душу вселялась такая тоска, хоть волком вой. Лето – другое дело. Все вокруг яркое, теплое, жизнеутверждающее, и кажется, что вся жизнь – такая беспечная и приятная; но приходит осень, и все кругом обесцвечивается, наливается тоской. Как зарядят дожди, все льют и льют неделями. Так паршиво, что хоть стреляйся.

Вначале Забродов несколько раз зевнул, потом открыл глаза и осмотрелся, не спеша, впрочем, откидывать одеяло, резко вскакивать и делать энергичную зарядку, как то имело место раньше.

«Нелады со мной какие-то, – подумал Илларион. – Раньше как огурчик, вставал в шесть, тут же делал зарядку, принимал душ, потом бегал по парку, а в последнее время распустился. Наверное, правильно, говорят, что когда человек выходит на пенсию и перестает работать, то он распускается, дряхлеет и становится похож на комнатный цветок, которому нужна ежедневная поливка. С каждым днем все больше и больше послаблений, теперь дошло до того, что даже вставать лень. А что дальше? Так и буду валяться целый день в кровати? Нет, Забродов, деградация налицо, так что быстрый подъем».

Несмотря на высказанное самому себе порицание, несмотря на насмешливые прибаутки и подначивания, Илларион еле встал через сорок минут.

Еще долго лежа в кровати, подоткнув со всех сторон одеяло, чтобы не мерзнуть, он сортировал свою жизнь, тасовал различные события и факты, составляя из них картину. И эта картина крайне не нравилась Забродову. Он понимал, что слишком мало сделал в своей жизни, чтобы вот так вольготно разлеживаться. Правы те острословы, которые, указывая на небо, говорят, что отдыхать будем там. Он наверх не торопится, конечно, но об этом стоит задуматься. Он ведь разленился до такой степени, что и форму скоро потеряет. Такая перспектива испугала Иллариона, поэтому он решительно отдернул одеяло и поднялся.

Застлав кровать, Забродов, отодвинув штору, пуская в комнату тусклый свет дождливого дня, и, не одевшись, упал на кулаки и сделал пятьдесят отжиманий. Затем двадцать отжиманий на левой и на правой руке поочередно, после чего как следует прокачал пресс.

Теперь пробуждение можно было считать состоявшимся. Забродов натянул камуфляжные брюки, рубашку, поверх которой надел серую жилетку с карманами. Он вспомнил, что вчера вечером обещал заскочить к Пигулевскому. Марат Иванович разжился новыми книгами, которые должны были вызвать, по его мнению, повышенный интерес у Забродова. Илларион по своему опыту знал, что момент нельзя упускать, тем более когда речь идет о ценных экземплярах. Коллекционеров, которые знают толк в книгах, не так уж и мало, зазеваешься и упустишь книгу, а потом иди, покупай у перекупщиков, для которых не книга важна, а доллары, которые можно за нее выручить.

На всякий случай, чтобы не «поцеловать» закрытую дверь, он еще раз позвонил Марату Ивановичу.

– Где тебя носит, Илларион? Уже второй час, а тебя все нет! Я уже думал, что-нибудь случилось, звонил несколько раз, но никто не брал трубку.

– Заспался я, – виновато сказал Илларион, выглядывая во двор и ища взглядом машину. – Извини, что так получилось. Если ты не занят, то я заскочу к тебе через полчаса.

– Что ты, что ты, Илларион! Давно не виделись, я только буду рад, если ты приедешь!

– Заметано! Скоро буду.

Забродов хотел выйти из квартиры, довольствуясь на завтрак диетическим набором – яблоком и горбушкой несвежего хлеба, как увидел свое отражение в зеркале. На него смотрел седовласый небритый мужчина.

Проведя рукой по щеке, он убедился, что это не потянет на модную небритость, а может быть квалифицировано, если выражаться юридическим языком, как покушение на неряшливость, посему Илларион зашел в ванную и обильно покрыл щеки кремом для бритья. Он ловко взмахнул рукой, намереваясь сразу очистить всю щеку от щетины, но зазвонил телефон, рука дрогнула, и Илларион, сделав неудачное движение, порезался.

– Черт бы вас побрал! – проворчал Забродов и швырнул бритву в раковину.

Щека горела, и он поморщился. Теперь на всякий случай придется продезинфицировать ранку, да и толком уже не побреешься. Так и пойдет к Пигулевскому заросшим интеллигентом.

Когда Забродов подошел к телефону, тот почему-то замолчал. Зато позвонили в дверь.

«Фокусники, – раздраженно подумал Забродов. – Все уши поотрываю за такие шутки. Не жилой дом, а психбольница какая-то. Вчера батареей запустили в голову со второго этажа, сегодня в дверь звонят, а завтра, переиграв в компьютер, подкараулят и подстрелят где-нибудь на лестничной площадке, когда я буду возвращаться из магазина».

На всякий случай Илларион достал пистолет и, держа его за спиной, открыл дверь.

На пороге собственной персоной стоял генерал Федоров.

– Ты это... руку убери, – опасно сказал он.

– Товарищ генерал! Доброе утро!

– Уже день, Забродов. Небось выпивал вчера или с женщинами куролесил?

– Может, зайдете? Или так и будем тут стоять, как в реалити-шоу «За стеклом»?

– Сострил.

Забродов сунул пистолет в карман куртки и пропустил генерала в комнату, после чего закрыл дверь.

– Извините, товарищ генерал, чай, кофе не предлагаю, сам только что поднялся, даже не завтракал, а вот коньяком могу угостить.

– Тебе бы только пострелять да выпить. Коньяк утром, между прочим, – это уже алкоголизм.

– В список моих увлечений вы забыли добавить книги. Кстати, из-за вас я порезался.

– Телефон существует для того, чтобы отвечать на звонки. Ты не отвечал, вот я и решил заглянуть к тебе в гости.

– Что это вы так обо мне беспокоитесь? Я, конечно, оптимист по природе, но в чужую доброту и бескорыстие как-то не верю. У каждого есть свои цели.

– Ишь ты, философ выискался!

Генерал Федоров не спешил усаживаться в кресло и расхаживал по комнате, что означало одно: стряслось что-то серьезное.

– Вот что, Илларион, хватит тебе прохлаждаться.

– Вы решили обеспечить мне досуг?

– Дело серьезное. Ты же телевизор не особо смотришь, так я тебе разъясню. Вчера вечером в Москве изрезали ножами одиннадцать армянских нелегалов...

– Позвольте, какое это имеет ко мне отношение? Уж не хотите ли вы сказать, что теперь я должен работать вместо МУРа?

– Ты еще не дослушал до конца, а уже вставляешь свои ремарки.

– Я просто немного тороплюсь. Меня Пигулевский ждет. Я еще вчера обещал к нему заехать, а тут проспал. Неудобно как-то. Человек ждет меня.

– Подожди, Илларион. Сядь и выслушай, – генерал говорил на этот раз без малейшего намека на шутки.

Значит, дело и вправду плохо. Обычно генерал Федоров как-то шутил, неторопливо подводил его, так сказать, к основной идее, а тут сразу с места в карьер.

Илларион уселся в кресло и достал из жилетки пачку сигарет.

– Может, сядете, товарищ генерал? В ногах правды нет.

– Только обойдемся без дыма, Забродов. У меня после твоих ядреных сигарет башка трещит целый день!

Илларион неохотно спрятал пачку сигарет обратно. Тоже мне выискался борец за чистоту воздуха! Раньше курил при нем и хоть бы что, а тут сигареты мешают.

– В общем, убили одиннадцать армян-нелегалов, а от двенадцатого осталась одна рука и еще пакетик, где лежит двести тысяч долларов.

– Это они ему руку в назидание отсекли? Чтобы не блудил?

– Черт тебя возьми! Я тебе дело говорю, а ты мне шутики! Илларион, я не клоун, и тебе давно пора понять, что у меня плохое чувство юмора!

– С вашей работой, товарищ генерал, все допускаю. Не удивлюсь, если в следующий раз я загадаю желание, открою глаза и увижу вас в своей комнате.

Забродов хоть и чувствовал, что генерал сердится на него за неуместные шутики, но все не мог остановиться, словно собака какая цапнула.

– С каких это пор ты заделался юмористом, Забродов? – сухо спросил генерал.

– С тех пор, как начал работать в ГРУ.

Генерал Федоров насупил и замолчал.

«Должно быть, обиделся, – подумал Илларион. – Наверно, я перегнул палку. Но и он тоже хорош. Пришел без предупреждения, как будто у меня нет никаких дел. Я уже столько раз ввязывался в эти сомнительные авантюры, что когда-нибудь с этим надо покончить. Или у меня такое предназначение, что я каждый раз должен кого-то спасать и наказывать преступников, будучи обыкновенным гражданином?»

– Вот что Илларион. Дело нешуточное. За деньгами никто так и не пришел.

– Чья рука хоть?

– Неизвестно. Сорокин об это дело уже все зубы обломал. Ни свидетелей, ни улик, только двести тысяч долларов, порубленные тела и рука.

– Какой же интерес в этом деле у ГРУ? – усмехнулся Забродов. – Это работенка для МУРа.

– А вот здесь ты не прав, Илларион. ГРУ до всего есть дело. Часто только кажется, что преступление заурядное и не требует нашего вмешательства. Но никто просто так не станет убивать нелегалов. Тем более таким способом.

– Сорокин, бедняга, на коньяке с валидолом, наверно, сидит. Я-то думаю, чего он не звонит, да не заходит, а тут вот что оказывается...

– Отработаны все версии. И все тупиковые. Однако есть подозрения, что за этим убийством могут стоять какие-то преступные группировки. Сам знаешь, чего-то не поделили, вот и решили учинить резню.

– Воспитательную работу провели на отлично, раз никто не поймал.

– Я смотрю, Забродов, тебе все весело.

– А чего грустить? – спросил Илларион. – Живу тихо и мирно, никого не трогаю, читаю свою библиотеку. Мне, товарищ генерал, есть чем заняться.

Генерал Федоров, пропустив его реплику мимо ушей, продолжил:

– Медицинский центр строит девелоперская компания, которой руководит Артур Орбели. Слыхал про такого?

– Откуда я знаю, кто это, – проворчал Илларион. – Сейчас вон сколько этих коммерсантов развелось. Каждый второй – мошенник, по которому тюрьма плачет, да еще и не русский.

– Армянский бизнесмен. Сорокин его допрашивал.

– И?

– И ничего. Ему ничего неизвестно об обстоятельствах этого дела. По крайней мере, он так говорил. И естественно он хочет, чтобы мы нашли виновных и не поднимали шумихи.

– Добрый дядечка, однако. Ищет справедливости. Тут как раз все понятно. Он не хочет, чтобы ему мешали зарабатывать деньги.

– Мне все равно, чего хочет этот Орбели! – вскипел генерал Федоров. – Но ты, Илларион, не забывай о том, что если появятся новые жертвы, то это будет и на твоей совести! И ты сам прекрасно об этом знаешь!

И генерал Федоров не мешкая вышел из комнаты, давая понять, что разговор закончен. Илларион не мог припомнить, когда в последний раз видел его таким сердитым.

«Придется отложить визит к Пигулевскому, раз такое дело. Генерал действительно прав. Если произойдет еще одно такое убийство, то и я буду за это в ответе. Пускай я и на пенсии, – рассуждал Забродов, – но фору этим ментам еще дам. Слабенькие они какие-то, при всем моем уважении к Сорокину. Их закон и право эффективны только на бумаге, когда же наступает время решительных действий, они устраивают мышиную возню и тыкаются во все стороны, как слепые котят».

Илларион, услышав, что генерал Федоров ушел, хлопнув за собой дверь, вернулся в ванную, где смыл остатки пены с лица и наклеил бактерицидный пластырь на свежий порез на щеке.

В коридоре он позвонил Пигулевскому.

– Марат Иванович, право, мне очень неловко, но я вынужден отложить свой визит. Вмешались непредвиденные обстоятельства.

– Ничего страшного, Илларион. Все мы люди...

– Извини меня еще раз, Марат Иванович.

– Илларион, может для тебя отложить кое-какие книги? Я могу их еще поддержать, чтобы ты посмотрел.

– Буду очень признателен.

На душе у Забродова кошки скребли. Как-то неловко он чувствовал себя перед Пигулевским. Тот его ждал-ждал, а Забродов, получается, вроде как обманул его: не приехал ни вчера, ни сегодня.

К Сорокину дозвониться было гораздо труднее. Забродов звонил ему битый час, но у того все было занято. За это время Илларион успел позавтракать и прочитать несколько глав книги об Иване Грозном.

Когда он все-таки дозвонился, то первым делом гаркнул:

– Это у тебя что, секс по телефону, полковник? Решил подзаработать?

– Хоть бы поздоровался для начала, – упрекнул его Сорокин. – И врагу такого секса не пожелаю, какой у меня сейчас был.

– Я в курсе, полковник. Могу маленько подсобить, глядишь, вдвоем и справимся. Вытащу у тебя занозу из задницы.

– Мне уже скоро начальство поставит очистительную клизму.

– Понятно, что такой «глухарь» никого не украсит. У меня тут имеются кое-какие соображения, полковник, только сам понимаешь, не по телефону.

– Приезжай, раз такое дело. Поговорим.

– Поговорим, – эхом отозвался Забродов и повесил трубку.

Он уже и сам озаботился этим убийством. Казалось бы, какое дело ему до этого преступления, а нет же, внес-таки генерал Федоров в его душу смуту, заразил своей тревогой. Он прав, неправильно, чтобы безнаказанно убивали гастарбайтеров. Это во что же Москва тогда превратится, если каждый скинхед возьмет по ножичку и воодушевится таким примером? Такая резня начнется, что никакое МВД не справится.

Да и генерал Федоров никогда к нему с мелочью не приходил. Можно не сомневаться, что дело получит огласку и поднимется шум. Это может плохо отразиться на российско-армянских отношениях. Вот Федоров и волнуется. Если не раскрывать такие преступления, то что уже можно говорить о стране! Какие там правопорядок и власть!

Философствуя, Забродов лишний раз проверил, перекрыл ли он газ, закрутил ли все краны, закрыл или нет форточки, и только после этого вышел на лестничную площадку.

У двери соседней квартиры на полу сидели два захмелевших парня. По всей видимости, они отмечали какое-то важное событие, такое, например, как начало нового дня или появление денег после периода затяжного безденежья. В любом случае Забродов не любил такую бескультурщину.

«Это что еще за культурно-просветительский кружок?» – Илларион закрыл дверь, неодобрительно посмотрел на парней, рядом с которыми стояла пластиковая бутылка с пивом.

– Молодые люди, – вежливо начал он, как и полагается в таких случаях, это вроде ментовского предупреждения, «что сейчас я достану оружие».

Молодой человек в шапке, которая была на самой макушке, в народе такой стиль ношения шапки именуют «гондонка», мутными глазами посмотрел на Иллариона, а его приятель в нецензурной форме выразил все свое возмущение и отправил Забродова по всем известному адресу.

Илларион, несмотря на то, что не был человеком вспыльчивым, крайне возмутился такой наглостью и поэтому в следующую секунду он схватил пластиковую бутылку с пивом и отправил ее в мусоропровод.

Чувства юмора у них никакого не было, и парень в «гондонке» попытался ударить Забродова, не рассчитав, впрочем, своих возможностей. Он был пьяным, и его хук получился предсказуемым и слабым. Илларион, не желая его калечить, ткнул парня в грудь, так что тот упал.

– Ребята, лучше уйдите сами, иначе я вам помогу.

Второй парень не внял предупреждению и, достав из кармана кастет, с устрашающим криком попытался уложить Иллариона ударом в переносицу.

Тяжело вздохнув, Забродов заломал ему правую руку, так что парень зашипел от боли и согнулся пополам. Забродов отпустил его руку и наградил пинком, так что тот покатился по ступенькам, держась за голову.

– Эх вы, шпана! Даже кастетом пользоваться не умеете. Научитесь вначале элементарным приемам, а потом покупайте железки, – с этими словами Илларион бросил кастет на ступеньки и вызвал лифт.

Проведенная воспитательная беседа, очевидно, возымела эффект, так как парни с матерными причитаниями поспешили удалиться от Забродова на безопасное расстояние.

«Это уже крайняя распущенность, – возмущался Илларион ситуацией. – В мое время такого не было, чтобы сидеть у квартиры на полу и догоняться пивом. И куда милиция смотрит? Эта шпана сегодня пиво пьет под дверью, а завтра ради любопытства кого-нибудь изнасилует или ограбит. Шарахнут какую-нибудь старушку кастетом, а та отдаст богу душу. И глупо-то как, убийство по пьяни. Нет, Забродов, ты должен и таких воспитывать. Иначе распустишься до такой степени, что начнешь жить по принципу «моя хата с краю – ничего не знаю».

«Бювик» Иллариона, который он вчера аккуратно припарковал вдоль тротуара около своего подъезда, подперли впритык сзади и спереди. Он не впервой сталкивался с такой ситуацией, когда некоторые жильцы почему-то считают, что двор – это их собственность, и они могут делать там все что угодно. Забродов в таких случаях действовал незамысловато. Он подошел вначале к одной машине, потом к другой, и каждую ударил ботинком по колесу. Тут же тревожно взвыли сигнализации.

«Пускай, пускай поволнуются. Это же сколько мозгов надо иметь, чтобы так ставить машины?»

Пока машины издавали пронзительные звуки, Илларион осмотрел передний и задний бампер «бьюика». Вдруг поцарапали или, чего доброго, вконец разбили. Илларион не понаслышке знал, что есть такие водители, которые паркуются до скрежета бампера о бордюр или о чужой бампер.

С водителями машин никаких проблем не возникло. Они с готовностью отогнали свои машины и позволили Иллариону выехать со двора.

Немного распогодилось, и перестал идти дождь, правда, солнце все равно не выглядывало.

Посмотрев на циферблат командирских часов, Забродов удивился. Пока он поднялся, позавтракал, поговорил с кем надо, уже наступило три часа дня. Так и вся жизнь проносится. Сперва кажется, что день тянется медленно, а потом, хлоп, оглядываешься и удивляешься, это ж оказывается десять лет прошло. И в толк не возьмешь, как они так быстро пролетели? Такое чувство, будто и не жил эти годы, а их просто у тебя украли.

Совсем чуть-чуть не доехав до места, Илларион застрял в пробке. По всей видимости, этому было суждено случиться, но несмотря на то, что решение транспортной проблемы от него не зависело, Забродов все равно рассердился: «Это издевательство какое-то! До Петровки считай рукой подать, а я тут стою, как ишак в загоне, и не могу рыпнуться».

Впереди Забродовского «бьюика» стоял чадающий «жигуленок», и Иллариону представилась шикарная возможность прочувствовать на себе, что значит быть токсикоманом. Такие эксперименты были ему не по душе, но он ничего не мог с этим поделать.

«Кстати, говорят, больше всего выхлопных газов получают не пешеходы, а водители, которые находятся в транспортном потоке, – размышлял Забродов. – Но даже если, допустим, отказаться от машины и ездить исключительно на метро, то через некоторое время вполне можно заработать тугоухость. Все гремит, трясется, а некоторые олухи еще и плеер слушают на максимальной громкости. В общем, живя в таком городе, как Москва, остается выбрать для себя предпочтительный диагноз».

Чтобы не скучать и провести время хоть с какой-то пользой, Илларион извлек из внутреннего кармана куртки книжку в мягком переплете. Но прежде решил позвонить Сорокину, чтобы тот куда-нибудь не умчался для проведения следственных действий.

– Забродов, ты что, живешь в другом часовом поясе? Я уже торчу здесь двадцать минут!

– Может, ты знаешь, как можно решить транспортную проблему Москвы? Я тут недалеко застрял в пробке.

– Твою мать, Илларион! Так и до вечера простоишь!

– А что мне делать? Бросить машину и бежать к тебе, как к своей возлюбленной?

– Не смешно, между прочим. Меня начальство дергает. Сегодня в Подольск надо ехать в командировку.

– Давай вот что сделаем. Я сейчас возле дома номер восемнадцать. Вспомни, Сорокин, молодые годы...

– Ты предлагаешь, чтобы я все бросил и приперся к тебе в машину?

– Именно так. Благо, у нас есть общие интересы. Меня тут подрадили заняться твоим делом, за которое тебе могут снять скальп.

– Подрядчик хренов! Знаю я тебя! Как начнешь свои игрища, потом только бойся, чтобы тебя кто-нибудь не подстрелил! Тут уже пол-Москвы тобой обижено!

– На обиженных воду возят, – с напускным глубокомыслием изрек Забродов.

Сорокин, впрочем, был сговорчивым полковником, и у него напрочь отсутствовала гордыня. Этим, возможно, он и нравился Забродову. Простой в общении, рассудительный, поможет, если надо, и никогда не подве...

Когда капли дождя забарабанили по лобовому стеклу, Илларион усмехнулся. Он знал, что Сорокин никогда не носит с собой зонтик.

Так и оказалось. Он увидел, как Сорокин, прикрывая голову портфелем, бежит по улице, привлекая к себе взгляды прохожих, и вертит головой во все стороны, как флюгер на ветру. Наконец, он заметил машину Забродова...

Сорокин, весь мокрый, даже по лбу стекала вода, влетел в салон машины.

– Хрен с тобой, Забродов! Я промок как собака! И все ради тебя!

– Это тебе только так кажется, – мудро возразил Илларион, поглядывая на полковника.

– И что у тебя за новости?

– Для начала я хотел бы уточнить некоторую информацию. Например, кому принадлежит эта рука? И второй вопрос, что вообще представляют собой эти убитые? Откуда, на каком основании работают и так далее...

– Какая твоя роль в этом деле, Илларион? – Сорокин вместо ответа задал встречный вопрос.

– Ко мне заезжал сегодня генерал Федоров. Вид у него был не из лучших. Он серьезно озабочен этим делом и хочет, чтобы я разобрался, что к чему.

– Кому принадлежит рука – неизвестно. Наши криминалисты сняли отпечатки пальцев, проверили по базе, но так и не нашли ее владельца.

– Наверно, где-то отсиживается. Я не думаю, что он такой добрый, чтобы просто так оставить двести тысяч долларов. А что остальные? Генерал обмолвился, что все убитые – армяне.

– Рабочие-нелегалы. Я поговорил с рабочими, они все там нелегалы.

– Это как получается, выбрали именно этих?

– Нет, их убили только потому, что в тот день там больше никого не было. Да, еще один факт, который тебя наверняка заинтересует. Все до одного имеют непогашенную судимость и свой срок отбывали в одной и той же тюрьме.

– А вот это, действительно, интересно, очень даже интересно, – протянул Илларион. – Орбели решил наставить их на путь истинный и взять к себе на исправление?

– Орбели – темный тип. Вежливый такой, в костюмчике, говорит красиво и складно, но что-то он темнит. Я подозреваю, что его кто-то мажет.

– Понятное дело. У него работают нелегалы, бывшие уголовники, считай, власть закрывает на это глаза.

– Он крупный инвестор. Родился в Ереване, окончил там институт, потом приехал сюда заниматься бизнесом, – недобро усмехнулся Сорокин.

– Ты по другим объектам смотрел? Кто там работает? Может, он перешел кому-то дорогу? Сам знаешь, большие деньги – большие проблемы.

– В связях с армянской мафией не замечен. Я и так и сяк копал. Он чистый с точки зрения закона, как ангел, но мне он все равно не нравится.

– Это убийство не ради убийства. Подумай сам, кто попрется в такую грязь и дождь на стройку, чтобы прибить каких-то армянских нелегалов? Оставляет деньги и отрубленную руку. Рука – это знак. Предупреждение, что, мол, поотрубаем все руки, если будете продолжать в том же духе. И интересно, на каком основании именно тому человеку отрубили руку? Почему-то выбрали именно его.

– Я не уверен, что его выбрали случайно. Возможно, он и жив, просто напуган и боится высовываться.

– Я попробую выяснить, кому мог насолить Орбели, а если у тебя появится новая информация, не томи душу, звони в любое время суток, хоть ночью.

– Илларион, у меня будет к тебе одна просьба, – Сорокин говорил слишком серьезно, чтобы Забродов мог усомниться в его честности.

– Ну, полковник? Хочешь поспорить на ящик коньяка, что доберешься до цели первым? Сорокин махнул рукой и закурил.

– Я не об этом. Хочу попросить тебя, Илларион, чтобы ты сработал аккуратно, без стрельбы, без крови. Понимаешь?

– Яйцо курицу учит, – улыбнулся Забродов. – Я такие инструкции получал еще двадцать лет назад, да и не похож я на головореза. Я понимаю тебя, полковник, догадываюсь, по крайней мере, что для тебя значит это уголовное дело, и поверь моему слову, что я приложу все усилия, чтобы поймать этих мясников.

– Верю, – вздохнул Сорокин. – Охотно верю. Только не нравится мне все это. Как-то все запутано и хитро. Понятно, что все хотят побыстрее закрыть это дело и не портить статистику «глухарем», только вот это убийство, как верхняя часть айсберга.

– Поймаем, – пообещал Забродов. – Еще не таких ловили. Найдем этим фокусников и объясним им, что бывает за такие шутки.

Пробка начала двигаться. Илларион лихо перестроился и повернул на Тверскую, там по Столешникову переулку и до работы Сорокина рукой подать. Он высадил полковника прямо около здания МУРа и напоследок крепко пожал ему руку.

«Настоящий мужик, – уважительно подумал Илларион. – И хороший мент, что, наверно, в наше время звучит смешно и дико. Такие менты как мамонты. Если бы не Сорокин, то в ментовке осталась бы одна коррупция. А он соображает и думает, как бы раскрыть это дело. Волчья хватка. Не позавидую я тому, кто попадет под его горячую руку. Порвет на кусочки. Да-а-а. Мне бы как-то увязать эти ниточки. За что-то зацепиться».

Забродов напряженно размышлял, но все мысли перемешались, и почему-то он больше думал о Пигулевском и его книгах. Поймав себя на этом, Илларион всполошился: «Вот и старею потихоньку. Не выдерживаю напряжения и думаю о покое. Эй, Забродов, очнись! Так и до могилы недолго. Загниешь на своей пенсии и погибнешь. И как ни парадоксально, Афган прошел, из разных передраг выбирался, а тут погибнешь от комфорта и благополучия. Правду говорят, что человек сам себе враг. Ничего просто так не бывает, поэтому не зря мне судьба подкинула это дело. Встряхнусь. Надо практиковаться, чтобы не развалиться на части».

Приехав домой, Забродов плотно поужинал, сделал кофе и уселся в старое кресло, окружив себя альбомами старинных гравюр. Пролистывая один из альбомов, он восторженно воскликнул: «Как это я сразу не догадался! Кто не любит армян? Для кого они хуже горькой редьки? Для азербайджанцев. У них давняя вражда еще со времен Карабаха тянется. Да и азербайджанцы, считай, те же турки. В Иране их тоже много. Страсти кипят нешуточные. Армяне все требуют от Турции признания геноцида. Тут скорее большая политика, чем желание докопаться до правды. Ну ладно, впрочем, оставим эти умствования в стороне, пока мне нужен кто-нибудь из азеров...»

Зазвонил телефон.

– Слушаю.

– Забродов, это Сорокин.

– Узнал, узнал. Или ты меня проверяешь на наличие старческого склероза?

– Кто тебя знает! Есть информация. Нам позвонила женщина, представилась бывшей женой этого мужика, которому отрубили руку.

– И что?

– Этот мужик не гастарбайтер, а армянский чиновник средней руки.

– Что же он там делал среди рабочего класса? У них же классовые противоречия: они – пролетариат, он – буржуазия.

– Суть в другом. Она виделась с ним последний раз несколько лет назад, иногда созваниваются. Сказала, что он приезжает в Москву два-три раза в год.

– С какой целью? Неужели только для того, чтобы провести свою бывшую?

– По каким-то делам своих родственников. Никогда не вдавался в подробности. Всегда останавливается в небольшом отеле. Там всегда тихо.

– И где он сейчас?

– Я послал ребят, и они выяснили, что он поселился в отеле под вымышленным именем. Дальше – больше. Менеджер дал нам номер «мерседеса», на котором видел Сукиасяна.

– Веселая фамилия. На кого записана машина?

– Машину взяли в бессрочную аренду в аэропорту и до сих пор не вернули.

– Тут ясно одно, кто бы ни владел этой машиной, либо он сам убивал тех армян, либо знает, кто это сделал. Спасибо за информацию, полковник. Пришло время нанести пару визитов.

– Ты о чем, Забродов? – испугался Сорокин, предугадывая, чем обычно заканчиваются такие «визиты» у Иллариона. По меньшей мере, парой относительно безобидных статей уголовного кодекса.

– О том, что и все. Потом созвонимся и обговорим, – и не успел Сорокин что-либо возразить, едва не поперхнувшись слюной от возмущения, как Илларион повесил трубку, проверил, заряжен ли пистолет, после чего погасил свет и вышел из квартиры.

Глава 3

Владимир Коротков с раннего детства усвоил правильные истины. Его родители служили на благо Отечеству, как того и требовала коммунистическая идеология. Но это для официальной версии, а если говорить по-житейски, то Владимир Коротков, сын крупного партийного чиновника, жил в изобилии и не знал никакого горя, с детства кушая столовыми ложками дефицитную, но такую желанную черную икру.

Потом грянула перестройка, и все в обществе полетело вверх тормашками. Начались волнения и бурления общественной мысли. Коротков не дергался и шел своим путем, благо связи отца очень помогали в его карьере. Для начала отец пристроил его в исполком.

Коротков прекрасно понимал, что для того, чтобы быть богатым, нужно иметь власть. Она была для него превыше всего. Кстати, о власти проповедовал Ницше, чья философия пришлась Короткову по душе. Он понимал, что взобравшись на верхушку, сможет иметь все, что душа пожелает, причем для этого не придется так натужно пыхтеть и нервничать, как это делают коммерсанты. Зачем суетиться, если им понадобится какое-то разрешение или бумажка, а все дороги ведут к Короткову, под управлением которого вся Москва. Пост президента, по мнению Короткова, открывал перед ним грандиозные перспективы. И он стремился к нему, не щадя сил и конкурентов. Ему казалось, что он сможет пройти через все, что попадется на пути к власти, только бы в итоге стать президентом. Он тогда быстро наведет здесь порядок. Все будут по струнке ходить и смотреть на него снизу вверх. Он будет всем править, потому что одна Москва стоит всей России. Здесь смыкаются все финансовые потоки, здесь сосредоточен весь бизнес. Нет, вы что, он, Коротков, такое провернет здесь, что его надолго запомнят!

Короткову на вид можно было дать лет сорок пять, хотя по паспорту ему едва исполнилось сорок. Возможно, на его внешности сказывались бессонные ночи и переживания по поводу предвыборной гонки. Все-таки это ответственное мероприятие, которое он не может проиграть, ведь это смысл всей его жизни. Одет он был в костюм, поверх которого носил наглухо застегнутое пальто или плащ. Коротков уже давно жил в Москве, но все не мог привыкнуть к холодной осени и тем более к зиме, поэтому даже в машине он не расстегивал пальто и не снимал перчаток.

Сейчас шофер вез его на служебной машине в офис, где у него должна была состояться важная встреча со спонсором.

Ясное дело, что никакая предвыборная кампания не обходится без крупных финансовых вливаний, и также понятно то, что впоследствии эти деньги придется отрабатывать. Никто просто так финансировать не возьмется. Все эти спонсоры хотят одного и того же: чтобы каждый доллар, который они вложили, обернулся впоследствии тремя. Коротков не испытывал никаких иллюзий, понимая, что в свое время будет вынужден пролоббировать те или иные решения своего покровителя, но его это не пугало, потому что ему была нужна власть.

Коротков каждый день педантично брился, надевал туфли, начищенные до блеска, а перед выходом из дома брызгался парфюмом, чтобы выглядеть солидно и внушать избирателям почтительный трепет, как и положено настоящему политику. Не то что там всякие выскочки, которые и костюм не могут подобрать со вкусом, а уже лезут в политику.

Коротков устало откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Пока будут стоять в пробке, он хоть немного подремлет. Голова просто раскалывалась от головной боли. Постоянные звонки и какие-то сообщения. Он уже путался в событиях и датах и часто не узнавал голосов звонивших, настолько его одолевала усталость.

А сейчас есть время подремать и привести мысли в порядок. Придет Орбели. У него, наверно, что-то важное. Обычно он сам не звонит. А тут позвонил вчера около двенадцати и сказал, что ему нужно кое-что обсудить, касающееся обоих. Ничего, пускай Орбели думает,

что он главный, пускай, пускай, вот возьмет Коротков власть, тогда покажет ему, где раки зимуют. А пока можно и подыграть. Чего не сделаешь ради того, чтобы стать президентом, чтобы все смотрели на тебя с придыханием и стыдливо молчали, когда ты кричишь? Он выберет себе самый лучший кабинет и найдет красивую секретаршу. Лучшие годы жены позади, потому надо как-то обустроить свою интимную жизнь. Раньше ведь получалось, за руку она его ни разу не ловила, вот и сейчас пускай думает, что он блюдет ей верность до гроба. Все эти понятия, рассуждения о добре и зле не имеют никакой ценности по сравнению с властью. Он будет командовать, а ему будут все подчиняться. Все важные вопросы решаются в тишине, и незачем привлекать к себе лишнее внимание. Замечтавшись, Коротков уснул.

Шофер хотел задать вопрос, но, повернув голову, осекся и замолчал. Не дай бог разбудить шефа, тем более, если он не в духе. Такой разгоняй получишь, что на всю жизнь запомнишь и еще месяц будешь лечиться от нервного тика. Нет уж, спасибо, ему такое не надо.

Доехав до высокого здания, шофер плавно остановил «мерседес», мучительно раздумывая, то ли будить Короткова, то ли нет. С одной стороны, он боялся, что шеф может проспать важную встречу, и тогда, в первую очередь, полетит его голова за то, что не разбудил, а с другой стороны, если шеф никуда не торопится и он прервет его сон, то и за это влетит. Решив, что с какой стороны ни поверни, все равно плохо, водитель рискнул.

– Владимир Петрович...

Коротков разлепил веки и сонно уставился на водителя.

– Уже приехали, – осторожно сказал водитель.

– Жди меня здесь.

Обрадовавшись, что Коротков совершенно не разозлился, водитель выскочил из машины и открыл шефу дверцу. Тот неспешно выбрался из «мерседеса» и поморщился. Дул холодный ветер, причем не откуда-то сбоку, а прямо в лицо. Ряды деревьев перед офисным зданием пожелтели. Кружились хороводом жухлые кленовые листья. Коротков раздраженно подумал, что скоро начнутся заморозки, и тогда ему придется носить шапку, которую он жутко не любил, хотя бы потому, что каждый раз приходилось снимать ее в помещении и смотреться в зеркало, не испортил ли он себе прическу.

– Смотри, если я выйду, а тебя здесь не будет, пеняй на себя, – пригрозил напоследок Коротков, хотя этот водитель, в общем-то, зарекомендовал себя с лучшей стороны.

Но это он специально, в качестве воспитательной меры, чтобы шофер не расслаблялся и знал свое место.

– Что вы, Владимир Петрович!

С чувством превосходства, тяжело поднявшись по ступенькам, Коротков зашел в офисное здание. В холле с ним тут же подобострастно поздоровались охранник и гардеробщица. Коротков небрежно кивнул. Со всеми здороваться времени не хватит, да и чего, он, Коротков, будущий президент, должен здороваться со всякой швалью?

Коротков прошел к лифтам и нажал кнопку вызова. Офис находился на шестом этаже, а пешком ему подниматься неохота. Раз лифты сломались, и Короткову пришлось тащиться на своих двоих. Он хорошо запомнил этот подъем. Коротков любил вкусно поесть, поэтому, как и полагается, отрастил брюшко, каждый шаг ему был за два, ноги не слушались и тяжелели. К тому же он все не мог отказаться от курения, и уже в полете между третьим и четвертым этажом начал задыхаться. Нет, с него хватит таких «прогулок».

Прибывший лифт приветливо дзинькнул, и створки плавно разъехались в стороны. Коротков хотел пройти в лифт, но его «подрезал» какой-то суетливый служащий, чей плохо завязанный галстук съехал набок. Служащий, прижимая к себе папку, рассеянно посмотрел на Короткова, но так и не извинился.

«Идиот! – возмутился Коротков, смерив служащего презрительным взглядом. – Ты хоть знаешь, с кем имеешь дело? Или все твои мозги остались в этих бумагах? Как жаль, что я пока

не президент, но в будущем я не потерплю к себе подобного отношения. Меня должны все бояться и относиться ко мне с уважением».

Служащий словно испытывал терпение Короткова. Он, не спросив, какой Короткову нужен этаж, уже нажал кнопку. Лифт тронулся. Коротков, в свою очередь, нажал кнопку седьмого этажа.

«Наглец! – покосился Коротков на служащего. – Не бойся, я твою рожу запомнил, и если ты еще раз попадешься на моем пути, то я с тобой поквитаюсь. На то и дается человеку власть, чтобы он мог разобраться с любыми мерзавцами, которые мешают ему жить и не умеют вести себя в обществе, с такими, как этот осел».

У Короткова было плохое настроение, поэтому его раздражала любая мелочь. Его плохое настроение объяснялось тем, что ночью к нему приставала растолстевшая жена, требуя полового акта. Он брезгливо от нее отстранялся, так как еще днем, за обедом, словно отрезвев, заметил, насколько же у нее волосатые руки. Его едва не вытошнило от отвращения. К тому же, сравнивая свою жену с любовницей, он приходил к однозначному выводу, что последняя выигрывает со значительным отрывом как по внешним характеристикам, так и по своей покладистости в постели.

Жена не поняла его и устроила истерику с плачем и слезами. Больше всего Коротков не любил ее слезы. Естественно, разнервничался и он, пил коньяк в гостиной и спал на диване. Какой там был сон! Снились кошмары, как ему не хватило всего двух голосов, чтобы стать президентом. Он не любил эти сны, но они посещали его достаточно часто, по этой причине он тоже тревожился. Кто его знает, а если сны все-таки вещие? Как он будет жить, если умудрится проиграть? Его спонсору палец в рот не клади, откусит по локоть. Он уж точно, вложив столько денег, не рассчитывает на поражение.

Пройдя по длинному коридору, Коротков зашел в предпоследнюю дверь по левой стороне. В приемной сидела любимая секретарша Танечка. Танечка была русоволосой девушкой, с пронзительно-грустным взглядом и пухлыми губами. Коротков ценил ее не столько за умение с третьей попытки правильно набрать текст или отправить факс, сколько за выпуклую попу и выдающуюся грудь, которые Танечка всячески подчеркивала. Для секретарши она одевалась слишком откровенно. Например, сегодня она одела сиреневую мини-юбку и такого же цвета кофточку и сидела на стуле, закинув ногу на ногу, словно задержанная проститутка в отделении милиции.

Коротков довольно крикнул.

– Владимир Петрович, вам звонил Орбели. Просил, чтобы вы ему перезвонили.

– Танюша, сделай мне кофе, – на ходу скомандовал Коротков и прошел в свой кабинет. Стол был девственно чистым. Необходимые документы лежали аккуратной стопочкой. Папки лежали в двух шкафах за спиной. В третьем шкафу у двери висела одежда. Помимо стола и шкафов в кабинете был диван из коричневой кожи. Под ногами – персидский ковер, подарок одного приятеля, которому он помог «выбить» хороший участок в Подмосковье под строительство дома. Понятное дело, что, помимо подарка, приятель заплатил ему сто тысяч долларов. Но деньги деньгами, а получить подарок все равно приятно.

Коротков только сейчас расстегнул пальто и снял перчатки. Открыв шкаф, повесил на плечики пальто и вернулся за стол. Он хотел ознакомиться с кое-какими документами, но его не отпускала тревога. Чего хочет этот Орбели? Они же недавно виделись и, кажется, все обсудили. Что на этот раз?

Орбели раздражал Короткова, возможно, потому что Коротков осознавал зависимость своего положения от воли Орбели. Тот мог спокойно в любой момент вывести Короткова из игры. Просто достаточно убрать финансирование. Для Короткова это было смерти подобно. Несмотря на то что у него были деньги, которые он вовремя успел перевести в Швейцарию, на всю предвыборную кампанию их все равно не хватило бы.

Его мысли прервало появление Танечки с подносом в руках. Она поставила его на стол, нагнувшись так, – то ли ненароком, то ли специально, – что Владимир Петрович увидел ее грудь. Этого ему хватило, чтобы в следующее мгновение похлопать Танечку ниже талии. Он собрался было продолжить в том же духе, но в дверь приемной постучали. Танечка вздрогнула.

– Хреновы посетители! Закрой дверь в мой кабинет и скажи, что я занят!

Танечка послушно кивнула и побежала в приемную, закрыв за собой дверь. Через тридцать секунд она заглянула в кабинет Короткова.

– Это Артур Орбели. Он хочет с вами поговорить.

– Ладно, пускай заходит, – небрежно сказал Коротков, чтобы не показывать Танечке, что Орбели имеет для него какую-то значимость.

Если и было у Орбели какое-то выдающееся качество, то, несомненно, это настойчивость. Если ему было что-то надо, то он мог человека хоть из-под земли достать, не задумываясь о том, причиняет ли он кому-то своим поведением неудобство или нет. Ему было на это плевать.

Артур Орбели выглядел rispetабельно, следил за собой и не позволял себе никаких вольностей, за исключением женщин и алкоголя. Он был высоким сорокалетним мужчиной с подтянутой фигурой и выразительным лицом. Таких женщины называют «сердцеедами». Никакого горбатого носа, уверенный взгляд, правильные черты лица, всегда подстрижен и причесан. Иногда Короткову казалось, что Орбели только и занимается тем, что каждый день очолачивается в салонах красоты.

– Здравствуй, Артур, – ласково приветствовал Коротков гостя, подчеркнуто энергично пожимая руку Орбели.

– Здравствуй, – Орбели, не спрашивая позволения, по-хозяйски уселся за стол напротив Короткова и посмотрел по сторонам, словно за диваном или в шкафах мог кто-то спрятаться.

– Что будешь, дорогой Артур? Коньяк, чай, кофе?

– С другом можно выпить и коньяк. У нас же нет друг от друга секретов?

– Что верно, то верно, – довольно улыбаясь, подтвердил Коротков и зычно позвал: – Танечка.

Тут же пришла секретарша, которой Коротков изложил что к чему. Он заметил, как Орбели проводил его Танечку жадным взглядом.

«Хрен с два ты ее получишь! – злобно подумал он. – Еще и секретаршу тебе дай!»

– Как только ты будешь баллотироваться в президенты, необходимо будет предоставить полную финансовую отчетность.

– Знание того, кто нас поддерживает, я в народ не несу. Их пожертвования могут быть использованы против нас.

– У нас все получится, – доверительно улыбнулся Орбели.

– Если этому помочь, – подчеркнул Коротков.

Танечка принесла на подносе коньяк и тут же удалилась.

– Проблемы с электоратом Северного округа. Симпатизируют другому кандидату.

– Любые выборы можно выиграть по принципу «разделяй и властвуй».

Орбели пригубил коньяк из бокала.

– Ты говоришь о переделе избирательных округов?

– Разобьем Северный округ и соединим его с другими.

Коротков, выпив коньяк, налил себе еще. В присутствии Орбели, несмотря на напускную радость, он чувствовал себя крайне некомфортно. Ему представлялось, что с такой вот лощеной улыбочкой Орбели сейчас достанет пистолет и застрелит его прямо в кабинете.

– Ты предлагаешь сконцентрироваться на получении голосов из центра?

Орбели кивнул.

– Именно. Самое лучшее, что можно сделать – это изменить границы твоего будущего округа. Даже сейчас. Эти изменения предполагают немалые денежные вливания.

«Еще и намекает, урод, что без него я не протяну, – подумал Коротков. – Если он думает, что будет манипулировать мной, когда я получу пост, то глубоко заблуждается. Я с ним как-нибудь разберусь».

– Деньги – это основа любой политики.

Артур Орбели, понимающе улыбнувшись, открыл черный кожаный портфель, который был доверху забит пачками долларов.

– Спасибо, Артур.

Орбели бесцеремонно вытряс содержимое портфеля на стол Короткова. Со стороны могло показаться, что они два ловких афериста, которые поймали «дичь» и теперь приступили к разделу добычи.

Коротков, когда дело шло о деньгах, не стеснялся их пересчитать.

– Артур, здесь всего сто тысяч, – осторожно заметил Коротков.

– Вторую половину получишь, когда люди ответят за убийство на моем объекте и предстанут перед судом, – спокойно ответил Орбели.

– Артур, ты знаешь мое слово. Обещаю тебе, что эти ублюдки будут найдены – с политическим пафосом ответил Коротков, про себя подумав, что готов пообещать и продать все что угодно, хоть свою душу, только бы получить заветный пост президента.

– Прежде чем я вложу деньги, мне нужно видеть силу закона, но не закона улиц.

И Орбели, многозначительно посмотрев на Короткова, поднялся из-за стола.

«Что за грязные намеки? – оскорбился Коротков, глядя вслед удаляющемуся Орбели. – Он хочет сказать, что если я не разберусь с этим делом, то он перестанет финансировать мою предвыборную кампанию? Это что, проверка на вшивость? Нет, в любом случае у меня нет выбора, и я должен найти виновных, иначе моим политическим амбициям наступит конец».

Коротков, посмотрев на бутылку с коньяком, убедился, что там практически ничего не осталось, и, взяв ее, допил остатки прямо из горла.

Глава 4

Сорокин последнюю неделю почти не сомкнул глаз. Его донимала такая сильная бессонница, что не помогало даже снотворное, ни в форме таблеток, ни в форме бутылки коньяка. А если и удавалось прикрыть глаза, то вместо отдыха Сорокин получал сон, в котором он расследовал жестокое убийство с отрубленной рукой. Понятное дело, что многим гениям удавалось сделать открытия во сне, как, например, тому же Менделееву, только Сорокин был человеком другого времени и другой формации, и, наверно, именно поэтому ему не удавалось повторить этот достойный подвиг. Он бы с удовольствием раскрыл это преступление во сне, но там он точно так же путался, как и наяву, бессмысленно бегая по строительной площадке и опрашивая чуть ли не всех подряд свидетелей.

Вдобавок ко всем несчастьям Сорокин потерял отпуск. Начальник, конечно, обещал его отпустить, дать ему, так сказать, вполне заслуженный «тайм-аут», но обстоятельства складывались так, что Сорокин и сам понимал: не видать ему отпуска как своих ушей. И пню ясно, что начальник не собирается расследовать это сложнейшее дело, но в то же время он не будет подставлять свой зад и заставит Сорокина сделать за него всю грязную работу, а потом получит личную благодарность от министра МВД, который, кстати, не побрезговал взять расследование уголовного дела под личный контроль.

Ох, как устал Сорокин от этой патетики. Рядовому обывателю скажи, что дело взял под контроль министр МВД, и он сразу вообразит себе, что сам министр занимается этой мышинной возней. Куда там! Все гораздо проще. Всего-навсего министр наезжает на начальство, требуя раскрыть преступление, а начальство в свою очередь пинает следователя, у которого на конвейере сорок таких дел, которые он должен довести до конца. Нервная у него работенка, не то что у этих телевизионных ментов, которые выучили отрепетированные диалоги и уже думают, что Сорокин верит их актерских ролям. Посидели бы они в кабинете так, как он, так их как ветром сдуло бы из МУРа на следующий день.

Сорокин, сжав виски руками, тупо смотрел в стол. Его мыслительный аппарат сковала безграничная усталость. Размышляя, чьих это рук убийство, он доходил до такого состояния, что уже сомневался, так ли это, что дважды два – четыре.

Зазвонил телефон на столе. В пепельнице чадила сигарета.

«Наверно, Забродов звонит, – решил Сорокин. – Это в его моде пропасть на неделю, а потом неожиданно объявиться, причем в тот момент, когда на моей шее уже затягивается петля».

Однако, сняв трубку, Сорокин сразу же понял, что это не Забродов.

– Полковник Сорокин, убийство на Дорогомиловском рынке. Расстреляли из автоматического оружия пятнадцать человек.

По служебному телефону звонил сам начальник, и тот факт, что именно он сообщил об убийстве, означал лишь одно – расследование этого уголовного дела теперь тоже на совести Сорокина.

– Есть, – сказал Сорокин и, поднявшись, машинально козырнул.

Положив трубку, он, не мешкая, надел плащ, взял папку с документами и вышел из кабинета.

«Черт бы вас побрал! – злился полковник. – Что это за стрельбище они устроили? Вначале одних порезали, теперь других постреляли! И главное, что не поделили? Кто там у нас на Дорогомиловском рынке?»

Сев в машину, Сорокин зло хлопнул дверцей, прекрасно понимая, что сейчас самый час пик и наверняка он увязнет в пробке на Кутузовском...

Так оно и случилось. Полковнику оставалось довольствоваться радио и курить сигареты. Его раздражала веселая попса, которая словно измывалась над его незавидным положением, и, в конце концов, Сорокин не выдержал и выключил радио.

«И как это дернуло меня? – спрашивал сам у себя полковник. – Почему я, вместо того чтобы садиться в машину, не поехал на метро? Где мое соображение, в конце-то концов?»

Сорокин с досадой ударил по рулю. Визгнул клаксон. Впрочем, тут все давили на клаксоны, желая выехать из пробки как можно быстрее, но никто не обращал внимания на истеричные припадки отдельных водителей.

«Так и простою здесь до вечера, – тоскливо подумал полковник. – И ради чего? А там же меня ждут. Разве начальство удовлетворит объяснение, что я вовремя не смог попасть на место преступления из-за пробки? Опять общественный резонанс, и, естественно, новые проблемы, которые начальство будет разгребать моими же руками. Может, по собственному написать, да и свалить куда подальше от этой чертовщины? Умное решение, ничего не скажешь, Сорокин! Во-первых, останешься без пенсии, до которой тянуть не так-то долго осталось, всего полтора года, а во-вторых, останешься в памяти сослуживцев, да и всех остальных граждан – трусом, который, расписавшись в собственной несостоятельности, решил смыться при возникновении первых же трудностей. Нет, это позорный поступок, недостойный настоящего мужика. В газете точно напишут, что я ушел, а потом бегай от этих дотошных журналистов и стыдливо оправдывайся. Нет, Сорокин, рано тебе еще уходить на пенсию. Рано. Да и чем ты будешь заниматься? Так хоть какой-то смысл есть, цель в жизни. А что появится, если я оставлю это дело? Ничего, кроме пустоты. Мучительной пустоты, когда понимаешь, что ты никому не нужен и бесполезен даже для самого себя. Оставляю я здесь машину на аварийке, все равно служебная, начальство поймет, а если и не поймет, то все равно из двух зол всегда выбираешь меньшее, и рвану на метро. Там точно доберусь быстрее».

Приняв решение, полковник тут же претворил его в жизнь. Он заглушил двигатель, открыл багажник, откуда достал знак, поставил его позади, правда, почти впритык к багажнику, закрыл машину и пошел через транспортный поток на противоположную сторону улицы.

Наверно, из-за того, что он был при полном «параде», в милицейской форме и фуражке, водители не очень-то любезно отнеслись к его инициативе. Кто-то уже кричал в спину матерные ругательства, вероятно, именно тот водитель, перед носом которого Сорокин безмятежно бросил своего железного коня. Другой чудака на «лендкрузере» едва не взял Сорокина на капот, хотя явно видел, что он идет прямо перед его машиной. В общем, Сорокин лишний раз убедился, что народ милицию не любит, не любит, хоть убей, и ничего ты с этим не поделаешь. Пропаганда как раз-таки наоборот производит обратный эффект, вызывая среди народных масс еще большее озлобление. Оно и понятно, каждый человек хочет в этом мире справедливости. Только где ее на всех наберешься? Что для одного справедливость, то для другого зло.

В метро Сорокин тоже ловил на себе недобрые взгляды. Так и читал, что если бы не людное место, то некоторые давно бы с ним разобрались. От этих взглядов ему становилось не по себе, и он подумал, что понимает начальников, которые ездят с мигалками вразрез со всеми правилами дорожного движения. Что остается делать в антагонистическом противостоянии? Начнешь каждого убеждать, что на самом деле ты хороший мент, не поверят, так как убеждены, что хороших ментов по определению не бывает, и что люди в милицию не служить идут. Вот и занимайся любимым делом после этого. Кто же поверит Сорокину, что он шел в милицию, чтобы расследовать преступления и ловить преступников? Скажут, не заливай, мол, брат, ты шел за должностью и думал забраться повыше, чтобы нахапать побольше взяток на сытую старость.

Философствуя о нелегкой ментовской жизни, Сорокин и сам не заметил, как проехал нужную станцию метро. Когда он очнулся, то хорошенько себя отругал: «Тоже мне мечтатель

нашелся! Одного Забродова выше крыши хватает со своими умствованиями, так еще ты решил прославиться!»

Когда полковник Сорокин прибыл на Дорогомиловский рынок, его глазам открылась печальная картина. Преступники пронеслись словно смерч, методично, если так уместно сказать, даже филигранно расстреляли торговцев овощами и фруктами, в том числе и тех, кто по чистой случайности оказался неподалеку.

«Вот, нелепая смерть, – подумал Сорокин. – Пошел на рынок за продуктами и не вернулся, погибнув от шальной пули. В этом, наверно, и есть вся Москва, прибить могут на каждом шагу, прямо как в военное время. Ничего не поделаешь, разгул преступности, с которой мы бы давно справились, если бы не преступники в милиции, прокуратуре, судах и Госдуме. Куда ни ткнишь, всюду взятки гребут, а с таким подходом, когда деньги превыше всего, занимаются всем, за что платят деньги. Как вам нравится участковый, который организовал банду и совершил двадцать шесть грабежей? Конспиратор хренов!»

Милиция оцепила проход, куда пытались прорваться азербайджанские женщины и дети, как понял Сорокин, родственники погибших. Милиция не пускала их к жертвам, и по всему рынку разносились горький плач и вместе с тем истерично-возмущенные крики. На мостовой валялись раскрошенные арбузы и дыни, раздавленные поздние персики. Если бы не многочисленные трупы, со стороны казалось бы, что произошел погром на основе расовой неприязни. Кто-то из торговцев, раскинув руки в стороны, весь пропитанный кровью, лежал на асфальте, кто-то уткнулся лицом в прилавок, кому-то пуля попала в спину, по всей видимости, при попытке к бегству.

Свидетелей было много, но ничего толком они рассказать не могли, по крайней мере, не было каких-то существенных деталей, за которые могло зацепиться следствие. Все как один утверждали, что торговля шла как обычно, пока внезапно на торговый ряд с двух сторон не ворвались люди в масках, открывшие огонь на поражение. Одеты они были в обыкновенные спортивные костюмы с рюкзаками на спинах. После совершения преступления скрылись в неизвестном направлении, и никто их больше не видел.

Сорокин изучил взглядом пустую гильзу, поднятую из-под ног.

«Ничего себе ворошиловские стрелки! – хмуро подумал он. – АК-47. Они что, совсем обнаглели? Решили сделать из Москвы арену боевых действий?»

– Может, у них были какие-то особые приметы? – настойчиво допытывался Сорокин у старенькой азербайджанки, которая находилась в шоковом состоянии. Ей повезло, потому что при первых же выстрелах она сразу упала под прилавок, и о ней просто-напросто забыли.

– Нет, я не видела. Все в одинаковых штанах и мастерках черного цвета.

– Они разговаривали между собой?

– Ничего не было слышно.

– Спасибо, – с досадой поблагодарил полковник Сорокин.

Уж второго «глухаря» ему точно не спустят. Это факт. Налицо сведение счетов. Вначале убиты армяне, теперь – азербайджанцы. И что получается, они устроили тут сведение счетов, а ему, Сорокину, теперь разгребай, рискуя при этом получить пулю в затылок, или, может, сделать, как кот Леопольд из памятного мультфильма: «Ребята, давайте жить дружно»?

На месте происшествия только и были найдены, что трупы и пустые гильзы. Больше ничего. Сорокин отправил гильзы на экспертизу, чтобы узнать как можно больше об оружии и местоположении стрелявших. Он походил по рынку и порасспрашивал людей в надежде, что кто-нибудь видел, на какой машине приезжали преступники, или запомнил хоть какие-нибудь детали, которые могут навести его, сыскаря, опытную ищейку МУРа, на верный след.

Нет, все, словно сговорившись, молчали. И в этом молчании Сорокин не видел для себя ничего хорошего. Снова все нити оборваны. Это что ему прикажете, сажать в СИЗО всех подряд по подозрению в совершении преступления? Нет, он не может этого сделать, потому что

таким образом покажет свое бессилие. Его поднимут на смех, и он с успехом завалит два дела. На этом его песенка будет спета, и его с позором выгонят из МУРа, после чего ему не то что людям в глаза будет посмотреть стыдно, он даже в зеркало не взглянет. Вся надежда остается на Забродова. Ему нужен всего лишь след, а там-то он уже развернется. А найти след ему поможет Забродов, в этом Сорокин был уверен. Иначе остается только виселица с куском мыла. Никто и слушать не захочет, что он, Сорокин, не Бог и не может сделать невозможное. Начальство приказало, и он должен исполнять. Остальное их не интересует.

– Вот что, – сказал Сорокин молодому сержанту, чье выражение лица показалось ему хоть немного осмысленным. – Будьте внимательны. Погуляйте на рынке с ребятами, и если заметите что-то подозрительное, сразу звоните мне по этому номеру.

Сорокин написал на клочке бумажки свой телефон, после чего, сильно тревожась не столько за нераскрытые убийства, сколько за свое неопределенное будущее, побежал к метро. Еще не хватало, чтобы его машину оттянул эвакуатор на штрафстоянку, если ей уже не прокололи шины разгневанные автолюбители.

* * *

Забродов за время службы в ГРУ успел обрасти невероятным количеством связей. Номеров в телефонной книге у него было под тысячу, и иногда, лежа на кровати, он листал телефонную книгу и, глядя на какое-нибудь имя, толком не мог вспомнить, кто это такой и откуда он его знает. Бывало, поможешь чем-то человеку, для тебя вроде как мелочь, а для него это имеет большое значение, вот и разговоритесь, обменяетесь телефончиками. Понятно, что по многим номерам Забродов ни разу не звонил, но в таком случае, как, например, сейчас, ему была нужна хоть какая-то зацепка.

«Сорокин, наверняка, плотно сидит на валидоле и коньяке. Когда я звонил, у него был голос как при смерти. Такая работенка, как у него, высосет из тебя все силы похлеще вампира. Шутка ли, он несколько дней подряд не ночует дома, все сидит в своем кабинете и разрабатывает версии, которые ни черта не сходятся с произошедшим. Досидит так до четырех, а потом куда уже домой ехать, пока доберешься да ляжешь вздремнуть, опять на работу собираться. Вот и прикорнет на несколько часиков в своем кабинете, – философствовал Забродов. – Случается так, что жизнь давит тебя прессом, проверяет на устойчивость и износ. Сорокин – мужик, держится. Тут второе массовое убийство на его голову свалилось, а он все сидит, думает, пробует что-то. Нужно что-то предпринимать. Кому охота подохнуть на рынке? И что это за выяснение отношений в цивилизованном обществе? Если такие убийства оставлять безнаказанными, то в обществе произойдет эскалация насилия. Потом на лестничной площадке начнут стрелять, если не понравишься».

Листая телефонную книгу с этими мыслями, Забродов наткнулся на фамилию Бoryнец. В скобках было помечено «парикмахер». Илларион ухмыльнулся и набрал номер. Он, как человек бывалый, давно знал, что любая ценная информация требует своего шифра. Кто его знает, украдут телефон, а там такой подарочек.

– Алло, – фамильярно приветствовал Забродова хрипловатый мужской голос.

«Как его зовут? Гриша? Леша? Вася?» – ломал голову Илларион.

– Сергей...

– Какой Сергей! Научись набирать правильный номер, козел!

– Бoryнец!

– Чего надо?

– Это Забродов. Помнишь такого?

– Ну, – неохотно процедил Бoryнец, словно тем самым делал Иллариону большое одолжение.

Ох, как не любил Илларион хамство. Неужели так трудно быть вежливым и доброжелательным человеком? Некоторые, оказывается, не понимают.

– Нужно встретиться, Бoryнец. У меня есть информация, которая тебя заинтересует.

– Думаешь, у меня так много времени? – ухмыльнулся Бoryнец и откашлялся в трубку. – Я человек занятой...

– Знаю я твою занятость, – усмехнувшись, перебил его Забродов. – Старушек лавочных допрашиваешь да алкоголиков у универсама, не замышляет ли кто теракт. А тут, между прочим, два убийства, да еще каких. Они должны быть вашему ведомству как бельмо на глазу!

– Мне непонятно одно, Забродов. Какое ты имеешь к этому отношение? Лучше в своем огороде копайся и читай литературку. Для жизни полезно.

– Бoryнец, – тихо сказал Илларион, – если ты думаешь, что у меня нет на тебя рычага воздействия, то ты глубоко ошибаешься. Твоя шея в петельке, а стоит мне ударить раз по табуретке, и все тебе, каюк.

Бoryнец работал в ФСБ. Раньше он когда-то пересекался с Забродовым. И тот ему помог, правда, вышло как-то некрасиво, что Бoryнец просто использовал его в своих целях и часть денег, которые получил от преступной группировки, присвоил себе. Забродов о такой нечистоплотности узнал не сразу, да и не хотел он стучать, но надавить мог. Так, по звонку Федорову, в интересах дела, у него оказались бы материальчики на Бoryнца.

– Гнида ты, Илларион. Шантажист.

– В отличие от тебя, Бoryнец, честный советский человек. Насколько мне известно, долларовая болезнь у тебя уже давно. Трепаться по телефону я не люблю, так что через полчаса жду тебя на Тверской. Около метро.

И Забродов повесил трубку. Конечно, он не любил шантаж, чувствуя себя при этом как-то неловко, но с другой стороны, когда речь шла о восстановлении справедливости и порядка, и уж тем более о помощи давнему другу, Илларион пользовался и этими методами. Он знал, что Бoryнец занервничает и приедет.

Бoryнец был низкорослым мужчиной с аккуратной лысиной и беспокойными глазами. Щеки у него были розовыми, нос с горбинкой, и почему-то у Забродова он ассоциировался с упитанным поросенком, который вместо того, чтобы заниматься стоящим делом, вольготно жирует на государственных харчах.

– Только побыстрее. Я тороплюсь, – сухо предупредил Бoryнец, даже не протянув руки, чтобы поздороваться.

Забродов достал из кармана бумажник и протянул Бoryнцу десятирублевую купюру.

Тот недоуменно уставился на Иллариона.

– Не стесняйся, бери. Это тебе денежка, чтобы ты научился в школе хорошим манерам.

– Ну тебя!..

– Типун тебе на язык! – весело отозвался Забродов, пряча деньги. – Пройдемся по улице и поговорим.

Меня интересует одна штука. Что тебе известно об убийствах в Багратионовском проезде, где строится медицинский центр, и на Дорогомиловском рынке? И не делай вид, что об этом ты услышал только сейчас. У тебя на каждом углу стукачи.

– Не стукачи, а информаторы, – обиделся Бoryнец. – Следи за своим языком.

– Что-то ты обидчивый стал. Небось, начальство не жалуется, и ты сливаешь всю агрессию на окружающих?

– В психологи подался, чтобы подрабатывать на досуге?

Забродову надоели эти ужимки и клоунские выходки Бoryнца, и он цепко схватил его за запястье, нелюбезно надавив на несколько особо чувствительных точек.

Бoryнцу словно битой съездили по спине. Он скривился и согнулся, как будто пропустил удар в солнечное сплетение.

– Вот что друг, у меня к тебе пара вопросов. Ответишь на них и пойдешь. Откажешься, я сделаю звоночек, а потом подброшу твоему шефу материальчик. Не думаю, что он одобрит такую инициативность.

– Отпусти руку, дурак! Больно же!

Забродов отпустил руку. ФСБ только дай повод поддеть ГРУ. Вот и скажут, что, дескать, бывший инструктор на пенсии нападает на безобидных прохожих. Хотя такой, как Бoryнец, больше тянет на крысу, оно и понятно, почему его пригрела ФСБ. В ГРУ таких однозначно не берут.

– Слушай, – сердито сказал Бoryнец, активно растирая запястье, – если кто-то узнает, что я тебе слил информацию, мне будет край.

– Не тебе учить меня конспирации. Ближе к делу.

– Убийство на стройке – дело рук азербайджанцев. Мне тут нашептали.

– Стало быть, убийство на рынке – это месть армян?

– Пока еще неясно. Мой человек не выяснил.

– Что за человек? Я хотел бы с ним поговорить.

– Ты в своем уме, Забродов! Я и так сказал тебе слишком много.

– По-моему, ты меня плохо понял. Я хочу знать все подробности до последней детали.

Понимаешь?

– Неужели ты уверен, что сможешь разрулить эту заварушку?

– Такое нельзя делать, – убежденно сказал Забродов. – Мне до криминала дел нет, пусть друг друга хоть перережут. Одна собака другой стоит. Но вот мирные люди...

– Ладно. Я дам тебе телефон моего связного, Ильгара Габиба. Пароль: «Торпеда». Скажешь, что от меня. Но помни, об этом никто не должен знать. Никто! Если кто-то узнает, ты подставишь его и меня. Понятно?

– Мне ли тебя не понять, Бoryнец. Ты так трясешься за свою шкуру, что вот-вот упадешь замертво. Не сдам я тебя, не хочу, чтобы вонь поднималась, – сказал Забродов и, повернувшись, пошел по улице в другую сторону.

– Козел, – пробормотал под нос Бoryнец и, потеряв еще раз руку, засеменил к метро.

* * *

В общем-то, Илларион предугадывал, что встреча с Бoryнцем приятной не будет, но все же не ожидал, что она оставит за собой такой гадливый привкус. Пускай он и получил нужные данные, но этот Бoryнец порядочная сволочь. Наверняка, будет шестерить своему начальству, что мол, Забродов оказал на него воздействие, или придумает что-нибудь, только бы убедить шефа, что без Бoryнца ему никак не обойтись. Скользкий тип. Свою карьеру начинал со стукача в институте, там его приметили и завербовали. Скольких он погубил, чтобы продвигаться по карьерной лестнице? Понятно, что попадались и преступники, но почему-то Забродову такой человек, как Бoryнец, и сам казался преступником.

«Нужно в срочном порядке связаться с этим Габибом. Интересно, это его настоящее имя и фамилия или так, псевдоним для работы? Главное только, чтобы Бoryнец не предупредил его, что не стоит трепаться языком. От этих ФСБшников можно ждать чего угодно».

Забродов, сев в машину, позвонил Габибу. Тот долго не снимал трубку, и Илларион уже решил, что Бoryнец проинформировал его, как раздался голос:

– Да.

– Ильгар. Я от Бoryнца. Нужно срочно встретиться.

– В Столешниковом переулке через полчаса. Черный «кадиллак». Моргнешь фарами два раза, чтобы я узнал.

– Идет.

По голосу Забродов почувствовал, что имеет дело не с какой-то сошкой, вроде Борынца, а с серьезным парнем. Сразу видно, деловой человек, к тому же сообразительный, не задает много вопросов. Может, Илларион прояснит информацию насчет однорукого чиновника, что-то он сомневается, что этот чинуша решил уехать из Москвы, скорее, сидит где-нибудь тише мыши. Неудивительно, что он поменял гостиницу и отсиживается там. Вряд ли он обращался за первой помощью в какую-нибудь больничку, его бы взяли как главного свидетеля, а может, пришили бы киллеры, прежде чем он успел бы вякнуть хоть одно слово.

Транспортный поток не доставлял особых неудобств, что радовало Иллариона, наконец-то у него была возможность получить удовольствие от вождения, а не ежеминутно дергаться, мучая педали и коробку передач. Ведь на дорогах большинство водителей – настоящие дилетанты, и хорошо если бы они создавали проблемы только себе, но они создают их еще и другим, то рванут с места, то резко затормозят, так что чуть не уткнешься в их бампер, и хоть бы что им, сразу материться начинают. Не любил таких водителей Забродов, ей-богу не любил, ему не раз доводилось учить их уму-разуму. Что поделаешь, если нормальному разговору они предпочитают матерную перебранку и рукоприкладство?

Заехав в Столешников переулок, Забродов внимательным взглядом начал сканировать стоявшие там машины.

«И на международный автосалон ходить не нужно, – отметил про себя Илларион. – Смотри сколько влезет. Печально только, что если там, за бугром, у них такие машины покупают за заработки, то у нас промышляют воровством».

Припарковав свой «бьюик» у обочины, Забродов, как и было условлено, моргнул два раза фарами. Прямо на него смотрело тупое рыло здорового «кадиллака». Каждый раз, когда Забродов видел эту машину, то задумывался, сможет ли он пробить на ней стену и въехать в дом. Конечно, он не рискнул бы раскошелиться на такие эксперименты, но эта мысль посещала его неоднократно.

Забродов, прежде чем выйти из машины, посмотрел по сторонам, нет ли за ним хвоста. Но все было чисто. Припаркованные машины стояли пустые, ожидая своих владельцев, пока те опустошат свои кошельки в бутиках. Илларион вышел из «бьюика» и сел в «кадиллак».

В салоне за рулем сидел на вид совсем молодой парнишка, в черных брюках и белой рубашке, сверху было наброшено пальто. Он несколько дней не брился, и от него пахло парфюмом.

Илларион никогда бы в жизни не подумал, увидев такого франта на улице, что он решает какие-то серьезные вопросы.

– Будем знакомы. Илларион.

Ильгар крепко пожал протянутую руку, чем еще больше расположил к себе Иллариона. Забродов уже знал по личному опыту, что от тех людей, у которых рукопожатие слабое или вялое, а рука как слизкая рыба, которая так и норовит выскочить, ждать хорошего не приходится, при первом же удобном случае они сделают тебе подлянку.

– Ильгар, у меня несколько вопросов. Первое, нужно узнать, где сейчас эта машина.

Забродов протянул листок с номером.

– Черный «мерседес». На нем в последний раз видели одного чиновника. Я подозреваю, что он до сих пор околачивается в Москве, но засел где-то на дне и не высывается. Его нужно найти. Он связан с той резней в Багратионовском проезде.

– Наверно, это были какие-то внутренние армянские разборки. Там сейчас идет передел. Кого-то из высших чинов подмазывают, чтобы он закрыл на все глаза. Я могу узнать больше, но мне нужна страховка.

– Какого рода?

– У азербайджанцев можно подняться. Мне нужен толчок, чтобы я стал правой рукой нашего лидера. У меня тогда появятся ребята, и я буду посвящен во все секреты.

– Что я могу сделать, Ильгар?

– В три часа главари встречаются в «Праге». Устрой там облаву.

– Я должен буду там что-то найти?

– Ни хера. Я предупрежу их до того, как ты появишься. Скажу, что у меня есть связи в ментовке.

– Будет сделано, – пообещал Забродов. – Как узнаешь, кому принадлежит машина или где этот чинуша, сразу звони.

Ильгар кивнул.

– Илларион, я не доверяю Борынцу, – неожиданно признался Габиб.

– Вот те раз! Он же твой непосредственный начальник? – удивился Забродов.

– Он ловит рыбку в мутной воде, – жестко сказал Габиб и выразительно посмотрел на Забродова. – Будь с ним аккуратен.

– Буду.

«Тут со всеми надо быть аккуратными, – подумал Забродов. – И не заметишь, как засосет болото этих разборок. Как влезешь, так и не выберешься».

Илларион попрощался с Ильгаром и вернулся в свою машину. У него созрел план. Он позвонит Сорокину и сольет ему информацию, и пусть менты нагрянут в «Прагу». Ничего страшного, скажет потом полковнику, что в ментовке есть крысы, которые заранее предупредили азербайджанцев.

Глава 5

У Артура Орбели выдался удачный день. Все шло как по маслу. Ему удалось получить два долгожданных разрешения на строительство торгово-развлекательного центра и жилого дома эконом-класса. Разумеется, что Орбели пришлось раскошелиться. Но он не жалел этих денег, понимая, что в будущем, когда Коротков еще чуть-чуть поднимется, он будет спокойно получать любые разрешения, какие только захочет, и, конечно же, они не будут столько стоить.

Орбели никогда не понимал Москву с ее бешеным ритмом и псевдоделовой жизнью. Согласитесь, разве это нормально, когда чиновник, получив взятку в два миллиона долларов, становится миллионером, когда он, Орбели, чтобы заработать эти деньги, вкалывал как проклятый несколько лет. А потом ты, заработавший деньги, встречаешься в одном и том же ресторане с идиотами-бюрократами. Орбели пожал плечами. Дураки! Страна дураков. Ему было не понять русскую душу, да и не особенно он стремился. Его карьера складывалась в общем-то удачно, и грех было жаловаться. Если бы не покровители, то он так бы и торчал в Ереване. Конечно, и там бы проявились его предпринимательские способности, но он не взлетел бы так высоко, как в Москве.

Он с самого утра сидел в кабинете и сам с собой играл в шахматы. Кабинет у Орбели был просторный. Он любил роскошь. Стол из красного дерева, ковры из тончайшей шерсти, шелковые шторы, зонт-трость с золотой ручкой у кресла и дорогие коньяки в шкафу. Ему нет никакого дела до того, как живут другие, важно, что он может позволить себе все что хочет. Большие окна открывали панораму на закопченные трубы и грязные многоэтажки. Москва была похожа на огромный завод, где работают в три смены.

Орбели давно пообещал себе, что как только достигнет намеченных целей, обязательно как следует отдохнет. И все бы хорошо, но это убийство его беспокоило. Во-первых, приставали менты, его допрашивали все кому не лень, как будто он взял нож и зарезал одиннадцать человек, а двенадцатому отрубил руку. Во-вторых, Сукиасян потерялся. Мобильный не отвечает, и до сих пор он не появлялся. Может, он мертв? Или просто боится? Орбели волновался и за пропавшие деньги, и в то же время беспокоился, что Сукиасяна могут взять менты и вытрясти из него информацию.

Орбели не успел развить свою мысль, потому что в кабинет заглянула секретарша.

– К вам посетитель.

– Кто?

– Коротков Владимир Петрович.

– Пускай заходит, – болезненно поморщился Орбели.

Меньше всего Орбели хотел сейчас общаться с Коротковым. Ему не нравился этот самоуверенный выскочка, который все норовит прыгнуть выше головы, воображая, по всей видимости, что у него есть власть. Как раз у него нет никакой власти, потому-то он им управляет, командует, как рядовым, а тот носится со своей предвыборной кампанией, высунув язык, совсем как дворовая шавка. Что ж, за все надо платить, и он подбросит ему работенку, чтобы не думал, что деньги достаются даром.

Коротков снова изобразил приторно-радушную улыбку, от которой Орбели уже порядком подташнивало.

– Здравствуй, здравствуй, друг. Присаживайся. У меня есть новые данные по той резне на стройплощадке. То происшествие разозлило многих людей и здесь, и в Армении.

– Ты разобрался с тем главарем азеров?

– Его можно исключить.

Коротков закашлялся, прикрыв рот ладонью.

– Мне дали имя другого главара, я хочу, чтобы ты его проверил. Он сейчас сидит в тюрьме. Его зовут Джамил Бадалбейли.

Орбели не любил, когда ему указывали, что делать. Неужели этот придурок вообразил, что он главный?

– Кто твой источник?

– Он не хочет светиться.

– Мы свои люди, и ты должен мне доверять, если хочешь, чтобы мы работали вместе и дальше. Я понятно выразился?

– Я все понял, Артур.

Коротков едва сдерживал ненависть. Ему хотелось наброситься на Орбели и как следует его отдубасить, чтобы он знал свое место и не совал нос, куда не надо. Но вместо этого он вяло улыбнулся.

* * *

Забродов для пущей безопасности позвонил Сорокину из телефонной будки. Связь была дрянной, потому тот не сразу понял, кто ему звонит, перебрав с добрый десяток имен, прежде чем сам Илларион сердито не представился.

– Купи себе лекарство для улучшения памяти и разгадывай кроссворды!

– Остроумно, Забродов, очень! Посмотрел бы я на тебя, что бы ты делал, если бы оказался на моем месте.

– Рынок, где похозяйничали армяне, по крайней мере, я в этом уверен, спонсировали азербайджанцы. Я знаю, что азербайджанцы не имеют никакого отношения к резне на стройплощадке. Это какие-то внутренние разборки армян.

– Твой источник ошибся, – перебил его Сорокин.

– То есть? – удивился Илларион и в то же время восхитился про себя Сорокиным. Молодец, не ждет, когда его удавкой придушат, а борется, что-то делает.

– Все сводится к тому, что это – межэтнический конфликт. Вопрос в том, что они там не поделили. По моим сведениям, армяне крышевали наркоторговлю азеров, и все мирно уживались. Поговори со своим информатором.

– Этот информатор близок к тому, чтобы подняться среди азеров. Если он поднимется, нам это поможет. Он пробовал, кстати говоря, выйти на след однорукого чиновника, но ему посоветовали успокоиться и обо всем забыть.

Сорокин хмыкнул.

– Похоже, кто-то заинтересован, чтобы спустить все на тормозах. Кажется, теперь я понимаю, почему тогда мы никого не взяли в «Праге».

– Его кто-то слил. Будь осторожен, полковник. Тебя могут окружать враги.

– Так недолго и параноиком стать, Илларион.

– Можно и шизофреником, если неудачно вляпаешься, – философски заметил Забродов и добавил: – Полковник, у меня есть еще одна новость.

– Выкладывай без этих театральных пауз. Или ты мечтаешь, чтобы меня хватил удар прямо на рабочем месте?

– Он дал мне адреса главарей азеров.

– И что это нам даст? Будет одной грустной мордой больше в СИЗО, и все равно придется всех отпустить. У меня ничего на них нет.

– Мы возьмем всех, и этого информатора тоже. Он, кстати говоря, работает под прикрытием ФСБ, так что ты с ним поделикатнее. Там поговорим с ним. Заодно и выясним, почему он соврал.

– Забродов, объясни мне, как ты умеешь получать нужную информацию? Ты что, их пытаешь?

– Раскаленными щипцами, потом в воду на десять секунд и в гараже знакомого сдавливаю голову тисками, что-то типа испанских сапог, только для головы. Я же не такой нежный, как ты, Сорокин.

– На твоей совести, Забродов, десятки статей Уголовного кодекса!

– Спишь и видишь меня за решеткой?

– Типун тебе на язык, – отмахнулся Сорокин. – Никакой совести и морали! И почему ты пошел в ГРУ? Тебе в КВН надо было идти!

– Если мне в КВН, то тебе в цирк, Сорокин. Значит, будем брать всех завтра. Я тебя предварительно наберу.

– Вдвоем что ли? Ты сдурел Забродов? Хочешь, чтобы нас перестреляли?

– Лиха беда начало! – усмехнулся Илларион и прекратил разговор с Сорокиным на самом интригующем моменте. – До завтра!

Заодно будет полковнику занятие на грядущую ночь. Пускай займется переоценкой ценностей и осмыслит прожитую жизнь, что бывает весьма полезно.

Илларион не беспокоился о будущем дне, исходя из тех соображений, что он договорился с ребятами – своими бывшими учениками, так что волноваться было нечего. Он их учил уму-разуму и прекрасно знал, на что они были способны.

* * *

Задержание главарей азербайджанских бандформирований происходило в обычном многоквартирном доме на окраине Москвы. Рядовой обыватель, пожалуй, и не подозревал, что живет на одном этаже с криминальными авторитетами, чьи имена приводят в трепет даже бывалых бандитов.

Вначале Сорокин предложил побеспокоить соседей, чтобы их чего доброго не задели при задержании. Но, как подозревал Илларион, он боялся, что соседи могут пожаловаться, что следователь в компании с какими-то неустановленными лицами занимался самоуправством.

– Не бойся, Сорокин. Знаешь, как говорят? Надейся на лучшее, готовься к худшему, – сказал Илларион и поправил под рубашкой бронежилет.

– Тебе хорошо шуточки отпускать, когда ты уже на пенсии! А мне еще надо ее получить!

– С твоими навыками можно подрабатывать наемным киллером. Конфиденциально и, между прочим, платят хорошие деньги.

– Ага, а потом меня прибудут такие вот пенсионеры, вроде тебя! Завидую я тебе, Забродов, белой завистью! Ты уже закон столько раз нарушал, что меня десятки раз бы уже посадили, а тебе хоть бы хны!

Одного бывшего ученика Илларион оставил около входа в подъезд, чтобы тот сигнализировал в случае опасности. Бывают разные ситуации. Вдруг еще не все в сборе? Забродову не очень-то хотелось, чтобы его с тыла напиговали свинцом как поросенка. Второму ученику Забродов приказал оставаться около лифтов этажом ниже. Сорокин, наблюдая за этими манипуляциями, ужаснулся:

– Ты в своем уме? Это ты что, собрался вдвоем штурмовать осиное гнездо?

– Двум смертям не бывать, одной не миновать, – оптимистично ответил Илларион и вежливо постучал в дверь.

Можно было подумать, что в этой квартире проходила дискотека каких-то подростков, у которых родители уехали на дачу. Звуки музыки разносились на весь подъезд.

– Шансон любишь? – и, не дожидаясь ответа Сорокина, Илларион сам же ответил: – Я недолюбливаю.

Дверь никто не открывал.

– Естественно, тут ничего не услышишь, – и Забродов властно застучал кулаком.

Его стук возымел эффект, и ровно через минуту дверь открылась, оттуда высунулась нахально-невозмутимая рожа. На Забродова, как на врага народа, не уничтоженного по недосмотру советской власти, смотрел парень лет тридцати, смуглый, небритый, эдакий красавчик, любимчик русских дам.

– Не могли бы вы сделать музыку потише? – вкрадчиво произнес Илларион.

Парень явно хотел ответить что-то нецензурное, но, заметив пистолет Сорокина, направленный прямо ему в живот, притих и попятился. Забродов резко схватил парня за руку и вытащил его на лестничную площадку. Тут же повернул его лицом к стене и достал пистолет из кармана его куртки.

– Ого! С каких это пор законопослушные граждане пользуются пистолетом «ТТ»?

– Это статья, – добавил Сорокин. – Состав преступления налицо.

– Отпустите! – взмолился азербайджанец.

Илларион, переглянувшись с Сорокиным, мягким ударом в затылок вырубил азербайджанца.

– Ты что делаешь? – возмутился Сорокин.

– Извини, – усмехнулся Илларион. – Я тебя неправильно понял. Я вбегаю первым, ты за мной. Этот еще очнется нескоро, а если и очнется раньше, то оружия у него нет и телефона тоже. Из подъезда ему не выйти.

Квартира была двухкомнатной, с небогатой обстановкой. Илларион, зайдя в коридор, первым делом закрыл за собой дверь. Не любил он, чтобы соседи подглядывали. Вызовут еще милицию, и разбирайся потом, кто прав, кто виноват, теряя драгоценное время. Азербайджанцам только это и надо: свяжутся потом со своими покровителями из правоохранительных органов, и их придется сразу же отпустить. Не станет же Сорокин ради каких-то азербайджанцев, пускай и серьезных преступников, рисковать дальнейшей карьерой.

– Всем на пол! Лежать, суки! – Сорокин залетел в зал, где вился ароматный дымок марихуаны.

Полковник Сорокин был похож на героя боевика – полицейского, который, отчаявшись от вселенской несправедливости, решил вершить правосудие самостоятельно по законам совести и чести. Его позицию весомо подкрепляли два пистолета, которые он направил на троих азербайджанцев, которые, словно по команде, рухнули на пол.

Забродов тем временем проверил кухню. Там никого не было. Тогда он, быстро метнувшись по коридору, вылетел из-за угла и наставил пистолет на дверной проем в спальню, чтобы его не задела шальная пуля. Там, на двуспальной кровати, укутавшись одеялом, лежал Габиб вместе с какой-то девкой.

– Извини, что прервал на самом интересном. Теперь аккуратно подними руки, без резких движений отбрось одеяло и встань.

«Придется извиниться потом перед Габибом, – виновато подумал Забродов. – Все-таки нехорошо это, портить такое ответственное и интересное мероприятие. Третий в таких делах всегда лишний. А я тут ворвался».

Габиб послушно поднялся с кровати, отпустив одеяло, и предстал перед Забродовым в костюме Адама. Девушка затравленно смотрела на Иллариона, не понимая, что ей делать, то ли закатить истерику, то ли лежать смиренно и ждать, пока все образуется.

– Оденься и выходи из комнаты. Ты арестован, – важно сказал Илларион и обратился к девушке. – Он серьезный преступник, мадемуазель.

Девушка начала плакать от страха. Илларион поморщился, уж если он что-то не любил, так это женские слезы. Забродов терялся и не знал, как ему быть. С одной стороны, ему становилось неловко, но с другой стороны, он испытывал раздражение.

Угрюмый Габиб натянул джинсы и надел майку, подняв руки, вышел из комнаты. Забродов показал глазами на туалет и ванную. Габиб помотал головой.

– Пошевеливайся, урод! – прикрикнул Забродов на Габиба и втолкнул его в зал к остальным азербайджанским главарям. – Это у вас что, кружок по интересам?

– Интересы у них специфические, – ухмыльнулся Сорокин. – Незарегистрированное оружие, я в этом стопроцентно уверен, и еще травка. Уголовное дело можно считать возбужденным.

– У тебя будут серьезные проблемы, придурок, – процедил среднего роста азербайджанец, блеснув золотой коронкой.

– Не будь кретином, – посоветовал Забродов. – У тебя они уже появились. А если ты этого не понял, то я могу тебе объяснить.

И он угрожающе поднял пистолет, как будто прицеливался. Сорокин смотрел на Забродова, ожидая дальнейших команд.

Илларион раздумывал: «В ментовку мы их точно не повезем. Сорокина по голове не погладят, если узнают, каким способом он повышает статистику раскрываемости преступлений. Габиба отдельно не уведешь, так мы его подставим и потом найдем его труп на следующий день в каком-нибудь мусорном ящике, если его не закопают в лесу или не утопят в реке. Остается очень простой вариант. Вырубить троих ненужных свидетелей и ту девушку, чтобы поговорить с Габибом».

– Я сейчас, – сказал Илларион удивленному Сорокину и вышел из зала.

Девушка, по всей видимости, находилась в состоянии ступора, так как она все еще лежала на кровати, завернувшись в одеяло, и смотрела перед собой пустым взглядом. При появлении Забродова она вздрогнула. Он, чтобы не поднимать лишних криков и визгов, броском упал на кровать, зажал ей рот рукой и надавил на несколько точек на шее, после чего девушка, словно под воздействием снотворного, тут же заснула.

С главарями покончили так же быстро. Для этого их пришлось поодиночке выводить на кухню.

Забродов допрашивал Габиба в зале. Сорокин дежурил на кухне, чтобы азербайджанцы не очнулись раньше времени.

Посреди комнаты Забродов поставил два стула, отставив журнальный столик в сторону. В пепельнице все еще дымился косяк, который Забродов притушил, чтобы сладковатый дым не лез в ноздри.

– Габиб, на этот раз мне бы хотелось услышать правду.

– Армяне затевают какое-то крупное дело. Они работают на мафию за пределами Москвы. Азербайджанцы хотят получить свою долю. То, что утворили армяшки, было намерением, что нужно делиться.

– Делиться чем?

– Я этого не знаю. Это знают главари. Вот почему мне нужна услуга, чтобы я поднялся.

– Как насчет отрезанной конечности?

– Я не знаю, – решительно сказал Габиб.

Илларион, внимательно посмотрев на Габиба, поверил ему. И вправду, откуда ему все знать, если он пока в азербайджанской банде никто? Так, скорее перспективный, подающий надежды. И вряд ли ему будут доверять строго секретную информацию. Никто не хочет ставить себе капкан.

– Ты пойми, Габиб, мы не можем допустить мести за стрельбу на рынке. Развяжется бойня. Ты должен быть посредником в мирном процессе.

– Мира не будет, – ухмыльнулся Габиб. – Те армяшки должны заплатить за стрельбу. Это не мои правила.

– Ты знаешь, сколько людей поработало на стройплощадке?

– Я не знаю. Если начну спрашивать, то моему прикрытию конец.
– Азербайджанцы смыкают ряды. Тебе опасно оставаться.
– Я провел шесть месяцев в тюрьме и два года здесь с этими животными. Вы не можете меня вывести из игры.

– Я постараюсь тебе помочь, – пообещал Забродов.
– Избей меня.
– Это что за мазохизм? – нахмурился Илларион.
– Ты прикроешь мою шкуру. Я скажу им, что ты избил меня за то, что я тебе ничего не сказал. Это повысит мой рейтинг.

Илларион размахнулся и, стараясь бить несильно, ударил Габиба в нос, затем посильнее под левый глаз, чтобы появился фингал. После чего врезал ему еще несколько раз по лицу, чтобы появились кровоподтеки.

Габиб стойко молчал. Лицо у него сочилось кровью. Забродов чувствовал себя настоящим подонком.

Из кухни прибежал Сорокин. Его глаза округлись от изумления.
– Вот уж не думал, что ты умеешь пытаться, Илларион! Да ты настоящий палач! Ты хоть понимаешь...

– Не сыпь мне соль на рану, – рывкнул Забродов, нанеся последний удар Габибу, после чего тот потерял сознание.

Поверженный Габиб лежал на ковре, раскинув руки в стороны.
– Пойдем, Сорокин. Гадостно на душе.
– За такое садят, Забродов.
– Оставь свои ментовские шуточки при себе. И без тебя паршиво, полковник.

Они вышли из квартиры, у порога которой до сих пор лежал вырубленный азербайджанец. Забродов с помощью полковника затянул тело в квартиру, после чего закрыл дверь на кнопочный замок.

Поблагодарив учеников за поддержку, Забродов остался наедине с полковником. От греха подальше Сорокин выехал из двора.

– У меня новости, Забродов.
– Это ты про погоду?
– Именно, – иронично ответил Сорокин. – Завтра ожидается похолодание, град...
– Не ерничай.
– Звонили ребята. Кажется, они вышли на этого однорукого. Черный мерседес с такими же номерами припаркован около захудалой гостиницы на севере Москвы.

– Однорукий бандит, – пробормотал Забродов. – Ну что, тряхнем стариной? Он наша путеводная звездочка. Надо брать его.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, Забродов.
В Москве снова заморосил мелкий дождь. Дул холодный ветер, и несмотря на отсутствие снега казалось, что пришла зима. Скоро начнутся заморозки, и асфальт, пешеходные дорожки покроются ледяной коркой, по которой невозможно будет ходить.

Сорокин ловко вклинился в транспортный поток, нарушив при этом несколько правил дорожного движения, на что не преминул указать ему Забродов.

– Кто бы говорил! С твоей законопослушностью в Америке три пожизненных можно получить.

– Можно подумать, что ты, полковник, чистюля. Думаю, что если хорошенько покопаться в твоей биографии, то можно обнаружить немало интересных фактов.

– Это можно расценивать как угрозу?
– Был бы человек, а уголовное дело всегда найдется, Сорокин. И тебе это знать как никому другому.

Полковник Сорокин ничего не ответил и только поддал газу. Ему уже надоело это уголовное дело и хотелось разобраться с ним поскорее. Сколько можно терпеть это напряжение? Так и недолго до того, что он сляжет, а потом, чтобы оклематься, будет ездить по больницам и санаториям.

Глава 6

Эдисон Багиров знал: чтобы дела шли хорошо и под ногами не путалась всякая шушера, нужно себя изначально грамотно поставить. Эдисон жил в Москве давно. Лет двадцать. Когда началась перестройка и в поисках лучшей жизни в Москву хлынули тысячи таджиков, казахов, азербайджанцев и представители прочих национальностей, поехал и он, Багиров...

Багиров спокойно ехал на своем «порше». По распорядку у него значился выходной, а это означало, что он может прошвырнуться по магазинам, чтобы обновить свой гардероб, да и прикупить пару золотых цепочек, после чего пообедает или поужинает в своем ресторане, и еще для отличного завершения дня поедет в ночной клуб, где снимет, а потом и трахнет практически за бесплатно молоденькую москвичку.

Жизнь его не была такой сладкой. По приезду в Москву Багиров на личном примере узнал, что такое голод, когда ты слоняешься, не жавши целый день, что такое беготня от ментов, которые нещадно маслают тебя дубинками, что такое холод, когда спишь в каком-то подвале, лежа на картонке и набросав на себя газет, и что такое расовая вражда, когда где ты ни появишься, сразу вызываешь ненависть. Те годы слишком хорошо отпечатались в памяти Эдисона Багирова, поэтому он и ценил свою нынешнюю жизнь, брал от нее все и вообще-то не гнушался никакими средствами, понимая, что если не заберешь свой кусок, никто тебе его не подарит.

Совость Багирова не мучила. У него было оправдание: раз его избили какие-то русские националисты, просто так, ни за что, когда он просто шел по улице. Тогда Эдисон впервые в жизни подумал, что умирает. Он валялся на асфальте, истекая кровью в проулке. Немногочисленные прохожие шарахались и проходили мимо. А он, Эдисон, тщетно пытался подняться, понимая, что если его заберет милиция или скорая помощь, то вышвырнут его ко всем чертям из России.

И тогда он озлобился, понял, что если не начнет действовать, то его просто разорвут на куски. Оказалось, что не одного Багирова мучили подобные мысли. Он нашел своих единомышленников на рынке, где работали азербайджанские торговцы. Как водится, на рынке были и рэкетиры, которые вели свой бизнес. Эдисон за неплохую мзду пообещал своим соотечественникам, что избавит их от рэкета и наездов. Со своим первым делом он справился успешно. Вооружившись ржавой арматурой, он и еще четверо знакомых до смерти забили троих рэкетиров на устрашение другим. После этого случая Багирова начали уважать и бояться, и он, чтобы не отойти в лучший мир, вскорости обзавелся оружием. Со временем Багиров, обросши огромным числом соплеменников, также недовольных притеснениями со стороны коренного населения, организовал сильную бригаду. Через кооператив взял под свой контроль торговлю фруктами и цветами, вытеснил из рынков прибалтов и украинцев, держал Центральный, Ленинградский и Черемушкинский рынки, вышел на связь с преступными группировками из Турции, Пакистана и Ирака, специализируясь на торговле валютой и наркотиками. Правда, не все складывалось так гладко, как того хотелось бы. Случались и промахи, и довелось пропустить парочку серьезных ударов, когда однажды менты погромили его торговые точки в ходе спецоперации. Он, как руководитель азербайджанского землячества в Москве, на встречах с представителями власти высказал ряд претензий. Представители грузинской и армянской общин позорно молчали. Понятно, что менты их почти не тронули, но могли бы вступить хотя бы в знак солидарности. Тогда еще министр внутренних дел Азербайджана сказал, что рейды московского ОМОНа могут спровоцировать «вспышки народного гнева» против многочисленного русскоязычного населения Баку.

Ничего, Багиров оправился и от этого удара. Конкуренты хотели подкосить ему бизнес, но у них ничего не получилось. Эдисон завязал контакты среди азербайджанских коммерсан-

тов и организовал торговлю икрой и рыбой ценных пород с азербайджанского побережья Каспийского моря.

Когда начались наезды со стороны русских и чеченцев, Багиров ответил жестко. На каждое убийство азербайджанца он отвечал десятью убийствами, его бригада, впоследствии ставшая организованной преступной группировкой, расстреливала и убивала всех, кто только набирался смелости стать у Багирова на дороге. Он снискал себе уважение в криминальных кругах Москвы, и с его мнением вынуждены были считаться. Благодаря своему авторитету Багиров получил контроль над общаком и мог распоряжаться крупными суммами денег. Нетрудно догадаться, что львиную часть прибыли приносила наркоторговля, а остальные бизнесы шли в дополнение, но Эдисон, памятуя голодное прошлое, когда он чуть ли не нищенствовал, не гнушался любой возможностью заработать. У него было чутье на дело, на деньги.

Сейчас ему было около пятидесяти, и он мог немного расслабиться, расквитаться с теми годами, когда ему с утра до ночи приходилось работать, выискивать какие-то возможности и, всякий раз ввязываясь в какую-нибудь крупную аферу, рисковать своей шкурой и всем имеющимся. Как человек предусмотрительный, он легализовал свой бизнес, носил костюм, ел в дорогих ресторанах и, в общем, вел образ жизни респектабельного человека, заработавшего на свой кусок хлеба. Да и времена теперь были другие. Накопленные средства, чтобы избежать ненужных проблем, он перевел в оффшорную зону. Всякое случается, кто его знает, может, он, Багиров, теперь влиятельный коммерсант, ходит под бдительным оком ФСБ. Он давно усвоил: для того чтобы не проиграть, нужно быть всегда настороже. Возможно, вследствие таких принципов в свои годы Багиров не имел семьи и друзей. В его бизнесе было опасно к кому-то привязываться. В криминальном мире не гнушаются убивать близких, чтобы заставить принять нужное решение, а он, Багиров, не хочет становиться заложником такой ситуации. Багиров предпочитал питаться в ресторанах своих соотечественников, вернее сказать, подчиненных авторитетов. Кто его знает, может, в чужих ресторанах его отравят. Он был вынужден самостоятельно заботиться о своей безопасности. Естественно, ему это не нравилось, потому что думать приходилось много и напряженно, но, с другой стороны, он не собирался и не хотел умирать и поэтому менял машины, охранников, телефонные номера, а свои намерения держал при себе, не доверяя никому, даже помощникам. Он догадывался, что его ненавидят, и поэтому вел себя жестко и бескомпромиссно, исходя из принципа, что пускай его лучше боятся и уважают, чем когда-нибудь воткнуть нож в спину из-за его малодушия.

Несмотря на то что Багиров жил в Москве вот уже двадцать лет, он все никак не мог привыкнуть к дикому холоду, который начинался тут с ранней осени и заканчивался поздней весной. Лето и вовсе казалось недостижимой мечтой, каким-то мимолетным сном. Больше всего мерзли лицо и уши, поэтому, когда терпеть это надоело, Багиров отпустил бороду. Но и тут возникли свои неудобства. Каждый мент считал своим долгом спросить паспорт и допытывался по поводу временной регистрации. Багирову хотелось плюнуть в эти тупые рожи, но он сдерживался, понимая, что эти идиоты в форме не достойны даже его дорогих ботинок. Его утешал тот факт, что он, Багиров, вопреки этим дуракам со своей законностью и правопорядком, утвердился в Москве, показал свою силу и в целом состоялся. Он не хотел быть пешкой даже в трудные времена, считая, что нет резона ехать в Москву для того, чтобы подметать там улицы или быть каким-нибудь торгашом или кассиром местного разлива. Нет, не для того он сюда приехал...

Багиров поддал газу, и его «порше», взревев двигателем на светофоре, стремительно вырвался вперед, оставив далеко позади замызганный «жигуленок» и старенький «мерседес». По дороге он собирался заскочить домой, чтобы взять кое-какие документы и поехать на встречу. Из родного Баку предлагали организовать поставку нефтепродуктов, и ему, человеку обладающему широким спектром связей, требовалось провести некоторые операции так, чтобы ни один мент не подкопался. Он мог заработать хорошие деньги, да и чего отказывать

землякам, если, по сути, только и надо, что сделать пару звонков и встретиться с нужными людьми.

Пошел первый снег. Снежинки медленно падали на капот и таяли. Эдисон Багиров нахмурился и закурил. Снежинки были для него предвестниками плохой погоды.

Одной рукой он держал руль, второй стряхивал пепел, машинально глядя вперед. Снежинки все падали и падали, словно назло...

Эдисон давно мог приобрести себе элитный особняк где-нибудь в Центральном округе Москвы, но он не хотел выпячиваться и поэтому по-прежнему жил в Южном округе, где давно приобрел двухкомнатную квартиру, да и в целях собственной безопасности это было разумно. Пускай дом был и стареньким, но свое жилье Багиров обставил как следует, с настоящей восточной роскошью. Соседи и не подозревали, что за обыкновенной железной дверью существует дворец, где все предметы обихода золотые, начиная с унитаза и заканчивая ножами и вилками...

Оставив машину на платной автостоянке, Эдисон пешком поднялся на шестой этаж, достал из кармана ключи и отключил «таблеткой» сигнализацию.

Каких-то наркотиков, оружия и крупных сумм денег он в квартире не хранил, но все равно хотел обезопаситься от воришек. И это хорошо еще, если заберутся обыкновенные воришки, а вдруг оставят прослушивающее устройство или будут поджидать его внутри.

На памяти Эдисона было несколько покушений. Многим он сидел занозой в одном месте, его ненавидели и завидовали, и поэтому хотели его убрать и поделить между собой кусок его пирога.

Открыв дверь, он собирался зажечь свет, как внезапно чья-то рука взяла его за шиворот и толкнула вперед, да так сильно, что он тут же упал. Дверь закрылась, и Эдисон оказался в полной темноте. Его охватил панический страх. Никогда еще такого с ним не случилось. Но правильно говорят, что когда-нибудь все случается с нами впервые.

Первым делом Эдисон потянулся за пистолетом, который, как он понял в это мгновение, забыл в машине, но его руку предусмотрительно перехватили и так сильно сжали, что у Багирова искры полетели из глаз, и он едва не завыл от боли.

Незнакомец никуда не торопился и за все время не проронил ни одного слова. Он нелюбезно уперся Багирову коленом в спину и связал его запястья веревкой.

Эдисон подумал, что сейчас его начнут пытать, он и сам не раз пользовался этим приемом и поэтому прекрасно знал, как это неприятно.

– Говори, чего ты хочешь! – заговорил Багиров, приходя в себя.

На ходу он сортировал мысли в своем помутившемся сознании, пытаясь понять, кто его мог подставить и кинуть. В последнее время он ни с кем не конфликтовал. Неужели это сведение старых счетов? Кому он когда-то навредил?

Эдисон понял, что это не киллер, иначе он давно был бы убит. Киллеры так не церемонятся со своими жертвами. Или он вначале хочет узнать всю необходимую информацию, а уже потом убрать его, Эдисона, как ненужный мешок с дерьмом? Багиров не понимал, как он мог попасться, когда вроде бы все просчитал. Он мог бы ездить с охраной, но Эдисон отогнал эту мысль в самом начале своей «карьеры», так как среди охранников часто встречаются предатели, которые впоследствии тебя и убивают, пользуясь неожиданной ситуацией и твоей беспомощностью, потому что в той или иной степени ты доверяешь охранникам. Ты не можешь им не доверять.

– Кто ты такой? – спросил Багиров уже окрепшим голосом.

– Может, тебе паспорт показать? – сказал насмешливый голос.

– Убери колено. Больно.

Багиров пытался разглядеть незнакомца, но ему это не удавалось, так как он лежал на полу, уткнувшись носом в пыльную дорожку, чувствуя только, как больно врежется в спину колено. Он попытался повернуть голову.

– Осторожнее, Эдисон, не дай бог свернешь шею, то потом еще скажут, что это я сделал.

– На кого работаешь?

– Индивидуальный предприниматель.

– Не гони, мудак!

В следующую минуту Эдисон понял, что погорячился, так как незнакомец ребром ладони резко ударил его по шее.

– Если будешь хорошим мальчиком и расскажешь мне все что надо, я оставлю тебя в покое. Начнешь сопротивляться – пеняй на себя. Я дам тебе минутку подумать, а то скажешь потом, что, мол, тебя лишили выбора.

Эдисон смекнул, что положение его гиблое, и что лучше рискнуть и сказать, что хочет этот придурок, чем сдохнуть.

– Ну, – неохотно выдал Эдисон. – Чего надо?

– Кто играл в ножички на стройке?

– Не понял, на какой стройке?

– Повторяю еще раз: кто зарезал, как свиней, одиннадцать армян, а двенадцатому отрубил руку? Или ты здесь ни причем?

– Это местные разборки...

– Это мы уже слышали, – сказал незнакомец и разочарованно вздохнул. – Не хочется, а придется.

И Эдисон почувствовал, как чужой ботинок оказался у него на шее и начал давить не хуже пресса.

– Стой! Стой!

– О как! Вернулась память?

– Я могу выдать их!

– Вот это уже другой разговор.

Незнакомец убрал ботинок с шеи Эдисона, и тот сразу же потер ее руками. Багиров понимал, что сопротивляться не имеет смысла. Даже если предположить, что он ударит незнакомца и попытается добраться до спальни, где в тумбочке лежит пистолет, то этот тип гораздо раньше выпустит в него парочку пуль. Предположения Багирова тут же подтвердились, так как вместо ботинка в его шею уперся холодный ствол пистолета.

– Я понимаю, что тебе очень неприятно, так что давай закончим разговор побыстрее. Почему ты убил людей на стройке?

– Я не убивал. Армяшки затевают что-то крупное. Я пока не знаю всех подробностей. Мне известно, что армяне наехали на нас. Босс был в бешенстве.

– Кто приказал им это сделать?

– Назим Аскеров. Он сказал, что мы предупредим армяшек. Замочим всех на стройке.

– Там был один чиновник Сукиасян. Почему вы отрубили ему руку?

– Это предупреждение.

– Тебе знаком Орбели?

Багиров слышал об этом армянском бизнесмене, который жаден не по карману. Эдисон сам бы разобрался с ним, но не мог, так как, по слухам, у Орбели была солидная крыша во властных структурах, он был связан с некоторыми преступными группировками.

– Нет. Не знаю его.

Незнакомец устало вздохнул и наконец-то – к явному облегчению Багирова – убрал пистолет.

– Ладно, не дергайся. Предупреждаю на будущее: больше никаких армянских трупов. Иначе сам поедешь в морг. Ты все понял?

Багиров, нервно сглотнув, кивнул. Незнакомец, тихо скрипнув дверью, ушел, а Багиров все еще долго лежал на ковровой дорожке, не в силах подняться. С этого момента он решил ходить только с охраной.

* * *

Если бы Георгий Сукиасян догадывался, каким адом обернется для него эта встреча, он послал бы куда подальше и Орбели, и всех тех, кто затянул его в эту кашу. Ему все равно, кто они такие, но так обращаться с собой он никому не позволит.

Он очнулся, лежа на столе. Пахло кровью и еще чем-то гадостным. Чем именно, он разобрать не мог. Губы его пересохла и чуть ли не склеились от жажды. Лежа в кромешной тьме, он не сразу сообразил, где находится. Пошевелившись, он ощутил адскую боль и закричал.

И тут к нему вернулась память. Он вспомнил, как резко открылась дверь, вбежали налетчики и набросились с ножами на рабочих, как он сидел в углу, парализованный страхом, как его взяли за шиворот, словно пугливого котенка, и положили на стол.

Снаружи шел сильный ливень. Дождь яростно барабанил о жестяную крышу барака.

Сукиасян осторожно попытался подняться. Он чувствовал свои ноги, боль в животе, шею, но что-то странное происходило с рукой. С правой рукой. Сукиасян левой рукой попробовал коснуться правой, но вместо этого коснулся грубо обрезанного рукава пальто.

Его обуял страх. Он снова закричал, сколько было сил в легких, кое-как сполз со стола и тут же споткнулся обо что-то тяжелое и мягкое. Согнувшись, Сукиасян разглядел, что под ногами лежит чье-то тело.

Ему тяжело было свыкнуться с мыслью, что он потерял руку, но еще более страшной была мысль о том, что, если он замешкается, его заберут менты, и тогда он точно не жилец. Орбели избавится от него как от ненужного предмета.

Сукиасян то и дело наткался в темноте на трупы. Шаря левой рукой, он пытался найти деньги и весь извозился в крови. Он ползал на коленях и искал этот чертов пакет, но его нигде не было. Вот-вот приедет милиция. Нет, конечно, он мог бы задержаться, но что тогда получится?

Мобильный телефон, к счастью, оставался в кармане, поэтому Сукиасян сразу же позвонил шоферу. О том, чтобы вызвать такси или поймать попутку и речи не могло быть. Его в таком виде запомнит любая собака. Ну, ничего, он оклемается, выживет назло этим ублюдкам, а потом узнает, кто это сделал и собственноручно отрежет этому подонку голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.